

Марьяна Брай



ЖЕНА
МАСТЕРА

Марьяна Брай
Жена мастера

«Автор»

2026

Брай М.

Жена мастера / М. Брай — «Автор», 2026

Я была бесплотной тенью великого Мастера, думала, что в этом заключается моя жизнь. Но даже когда оказалась на обочине этой самой жизни, не поняла, что Мастер - это я! В новой жизни Вере, а теперь уже Фэйтелину, или коротко Фэйт, придётся узнать о себе много нового. Главное, что нужно знать попаданке: город, в котором она теперь живёт, отдалённо напоминает Лондон восемнадцатого века. И царит здесь, кроме промышленной революции, ещё много того, во что не стоит вмешиваться барышням. Но мы ведь не робкого десятка! Мать обложки Валерия Пономарёва

© Брай М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	45
Г	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марьяна Брай

Жена мастера

Глава 1

Мои пальцы всегда знали больше, чем мой разум. Ещё до того, как я научилась читать ноты, я могла на слух определить фальшивую струну на старом бабушкином пианино, а звук заедающего механизма часов вызывал во мне почти физическую боль.

Неудивительно, что я, девочка, выросшая среди шестерёнок и камертонов, выбрала путь реставратора. Я не просто чинила сломанное, я вдыхала жизнь в умолкшие голоса прошлого, возвращала им первозданное звучание. Казалось, каждый инструмент, каждая старинная шкапулка рассказывали мне свою историю. И я была лишь их внимательным слушателем и целетелем.

Мне было всего двадцать, когда я впервые увидела маэстро! Виктора. Его имя тогда гремело в кругах антикваров и коллекционеров как самый чистый, совершенный аккорд. Он был известен не только своим безупречным вкусом и глубочайшими знаниями, но и невероятным талантом восстанавливать то, что другие считали безвозвратно утерянным. Его мастерская, расположенная в старинном особняке на одной из тихих улочек города, была для меня чем-то вроде священного храма. Я, студентка третьего курса, попала в это святилище на практику, дрожа от благоговения и предвкушения.

Сам Виктор был воплощением того, каким в моём понимании должен быть гений. Высокий, с вьющимися тёмными волосами, которые он элегантно двигал головой постоянно отбрасывая назад, обнажая высокий лоб. Глаза цвета крепкого кофе горели страстью, когда корифей говорил о своей работе. Его движения были точны и изящны, как у дирижера, готовящегося к исполнению сложной симфонии. В нём чувствовалась невероятная внутренняя энергия и харизма, которая притягивала, заставляла забыть обо всем на свете. Он был не просто мужчиной, он был явлением.

И я, наивная, жаждущая знаний и восхищения, мгновенно попала под его обаяние. Первое время я была лишь тенью, ходила по пятам, стараясь не мешать, но впитывая каждое слово, каждое движение. Он мог часами рассказывать о скрипке Страдивари, о ее идеальных изгибах, о секрете лака, о душе, что жила в старинном дереве, как в сосуде. И я слушала, затаив дыхание, чувствуя, как мир вокруг сужается до одной точки: его завораживающего голоса, изящных рук, кипящей страсти. Мне казалось, я никогда не встречала человека, так беззаветно влюбленного в свою работу.

Голос Мастера менялся, когда он нашептывал успокаивающие слова сломанному предмету. Руки ласкали, прикасаясь к антикварной вещице. Он был словно алхимик, способный превращать прах в золото. Мои же собственные, пока ещё не окрепшие знания казались ничтожными по сравнению с его мудростью.

Однажды, когда я аккуратно сортировала старые винтики и шестерёнки, он обратил на меня внимание. Он работал над сложнейшим механическим театром, привезённым из далекого Парижа, и какой-то крошечный, почти невидимый элемент не давал ему покоя.

— Вера, — низкий бархатный баритон заставил меня трепетать. — Подойди сюда. Что ты видишь?

Я подошла, сердце колотилось где-то в горле. На столе лежал миниатюрный, невероятно сложный механизм, больше похожий на ювелирное украшение, чем на часть куклы.

— Я... я вижу, Маэстро, что эта пружина... она чуть ослаблена. И возможно, угол крепления одной из тяг смещён на долю миллиметра. Это вызывает небольшой люфт, который нарушает синхронность, — я указала на едва заметные детали, почти не видимые.

Он склонился, прищурился, а затем медленно выпрямился. На его лице появилась едва заметная, но очень тёплая улыбка.

— Bravo, Вера. У тебя удивительный глаз. И слух, не сомневаюсь, тоже. Никто другой не смог бы заметить в тебе твой дар... Маэстро? Ты считаешь, что я...

В тот момент я почувствовала себя на вершине мира. Похвала моего кумира была дороже всех наград. Он словно открыл для меня дверь в свой мир, признал во мне равную, пусть и юную душу. И даже то, что я выдала свое обожание с головой, меня не смущало – где я, а где он! Да, это признание. Но этот человек и без меня знает, что он лучший.

С того дня всё изменилось. Он разрешил называть себя по имени, и я таяла от такого снисхождения. Виктор стал моим наставником не только на бумаге, но и по сути. Я проводила в мастерской дни и ночи, забывая о еде и сне. Мы работали бок о бок, а иногда я просто наблюдала, как умелые руки творят чудеса. Затаив дыхание, я слушала истории о каждом инструменте, каждой шкатулке, которые гений когда-либо восстанавливал. Он учил меня не просто технике, а философии реставрации: уважению к прошлому, терпению, умению слушать едва различимый шёпот времени.

— Каждый предмет, Вера, — говорил Виктор, слегка касаясь полированного дерева старинного рояля, — это своего рода душа. Ей нужно довериться. Почувствовать её боль, её утерянную мелодию.

И я доверяла. Доверяла без остатка, видя в нём не просто учителя, а идеал, к которому стремилась. Маэстро стал моим миром, моим вдохновением, моим всем. Я впитывала его знания, манеры, страсть. Наши беседы часто затягивались допоздна. Мы пили крепкий чай с мятой, сидя среди разобранных механизмов и пахнущих старым деревом музыкальных инструментов.

Он рассказывал о своей мечте открыть музей уникальных механических диковинок, где каждый экспонат будет не просто мертвым предметом, а живой историей. И я, замороженная, представляла себя рядом с ним, помогающей воплощать эту мечту.

— Мы создадим нечто великое, Вера. Вместе, — говорил он, и его глаза светились таким энтузиазмом, что я верила безоговорочно. Он был моим солнцем, и я была водной гладью, отражающей его свет.

Его похвалам не было конца. Он мог часами расписывать мой талант перед коллегами и клиентами.

— Вы только посмотрите, что Вера сделала с этим хронометром! — восклицал мастер, демонстрируя идеально отлаженный механизм. — У неё руки из золота! Она скоро превзойдёт даже меня: самого, как она выражается, Маэстро! — он смеялся, а я краснела от гордости и смущения, но в душе ликовала. Эти слова были для меня бальзамом, подтверждением того, что я не просто ученица, а нечто большее.

Я верила в его искренность. Верила, что он видит во мне потенциал, который никто до него не замечал. Он был первым, кто по-настоящему оценил мой дар. Моя жизнь, которая до него казалась размеренной и предсказуемой, наполнилась яркими красками и немислимыми эмоциями. Она закружилась вихрем.

Я была безумно, отчаянно влюблена. В его талант, в его харизму, в его обещания великого будущего. И когда он сделал мне предложение, это не было сюрпризом. Скорее, естественным продолжением нашей общей истории.

— Вера, моя дорогая Вера! — он опустился на одно колено прямо посреди мастерской, среди стружек и ароматного масла для дерева. — Ты моя муза, мои руки, моя душа. Станешь ли ты моей женой? Мы будем создавать красоту вместе. Всегда.

Казалось, старинные сокровища замерли в ожидании ответа.

Мои глаза наполнились слезами. Это было так романтично, так по-настоящему.

— Да! — выдохнула я без колебаний. Мне было двадцать два, когда мы поженились. Скромная церемония, только самые близкие друзья и коллеги. На мне было простенькое белое платье, а он был в своем лучшем костюме, сияющий и довольный. Я чувствовала, что моя жизнь только начинается, что все трудности остались позади. Теперь я не просто Вера, я — Вера, жена Виктора, часть чего-то большего, чего-то действительно великого. Я верила в нашу общую мечту, в нашу любовь, в наше «вместе». И мне казалось, так будет всегда. Я даже представить себе не могла, как жестоко ошибалась.

Глава 2

Я тогда не видела, что за его комплиментами скрывалось нечто иное, нечто, что подтачивало меня, словно невидимый жучок старую древесину.

— Вера, ты молодец, — говорил он, откладывая в сторону увеличительное стекло и глядя на результат моих многочасовых трудов над миниатюрным механизмом старинных часов. — Еще немного, и ты достигнешь моих вершин.

Его улыбка, полная снисходительности, тогда казалась мне благословением. Я верила ему. Верила, что иду правильным путем, что каждый восстановленный мною шедевр приближает меня к его гению. Он позволял мне работать над сложнейшими деталями, теми, что требовали не просто мастерства, а интуиции, почти слияния с предметом. Его руки, такие точные в демонстрации, часто уставали от кропотливой работы над микроскопическими элементами. А мои могли работать часами, забывая о времени, почти не ощущая напряжения. Мы стали командой. Он был головой, визионером, лицом.

А я была его руками, его глазами, его терпением. Я восстанавливала скрипки, что пели потом в руках известных музыкантов, но имя Веры никто не знал. Я чинила часы, механизмы которых были сложнее целого мира, и они снова отсчитывали секунды чьей-то жизни, но моя фамилия не значилась ни на одной из табличек. Он выставлял их на продажу, произносил вдохновенные речи перед коллекционерами, рассказывая о тайнах мастерства, о возрождении к жизни, и каждый раз, когда звучали аплодисменты, его глаза блестели от самодовольства. Мои же глаза блестели от гордости за наше общее дело, за то, что мы смогли это сделать.

Дни складывались в недели, недели в месяцы, месяцы в годы. Мы жили в прекрасной квартире, которая была одновременно и нашей мастерской. Стены были увешаны эскизами, полки ломались от книг по истории искусств и старинных инструментов. Запах полироли, старого дерева, металла и тонкого лака стал для меня запахом дома. Казалось, так будет всегда.

Мы поженились через год после моей практики. На скромной церемонии, без лишней помпы, как он выразился: «Мы люди искусства, Вера. Нам не нужна эта суета. Нам достаточно нашего общего дела и нашей любви».

Я кивала, счастливая. Разве для меня было что-то важнее его слов, его одобрения? Я была его послушной ученицей, его верной спутницей, его молчаливым партнером.

Когда мне исполнилось тридцать пять, во мне проснулось другое, глубинное желание. Желание, которое я долго подавляла, боясь нарушить хрупкий баланс нашей жизни.

— Виктор, — сказала я как-то вечером, когда мы сидели в нашей уютной гостиной, глядя на огонь в камине. — Я... я думаю, нам пора завести ребенка.

Я ждала, что он улыбнется, обнимет меня, скажет, что это прекрасная идея. Но его лицо напряглось. Он отложил книгу, которую читал, и повернулся ко мне.

— Ребенка? Вера, дорогая, ты же знаешь, сколько времени и сил отнимает наша работа. Ты хочешь, чтобы я отвлекся от своего призвания? Ты хочешь, чтобы ты отвлеклась от помощи мне? У нас с тобой уже есть ребенок — наше общее дело. И оно требует всего нашего внимания, — в его голосе не было злости, только легкое недоумение, словно я предложила нечто совершенно абсурдное.

— Но, Виктор, — пыталась я возразить, — это же... продолжение нас. Это сделает нас настоящей семьей.

— А разве мы не семья? — спросил он, и в его глазах читалось искреннее удивление. — Мы живем вместе, работаем вместе, разделяем страсть к искусству. Что может быть ближе? Ты просто устала, дорогая. Отдохни немного, и эти мысли уйдут.

Он погладил меня по волосам, и его прикосновение было отстраненным, как к ценному, но бездушному предмету. Я больше не возвращалась к этой теме. Поверила, что, возможно, он прав. Что наше «общее дело» и есть смысл нашей жизни. Что дети это удел других, тех, кто не обладает таким высоким призванием, как мы. Моё желание постепенно затихло, растворившись в запахах старой древесины и лака, в бесконечном круговороте реставрационных проектов.

Так прошло еще почти двадцать лет. Я перешагнула сорокалетний рубеж, потом и сорок пять. Морщинки у глаз стали глубже, серебряные нити появились в волосах. Он тоже изменился, но по-другому. Его уверенность в себе стала еще более выраженной, его голос – еще более властным. Он все чаще уезжал на выставки, на аукционы, на встречи, и я оставалась одна в мастерской, погруженная в свою работу. Его отсутствие стало привычным.

Я даже находила в нем некое спокойствие – никто не стоял над душой, никто не «нахваливал», никто не требовал отчета о проделанной работе. Я просто работала, безмолвно, вдохновенно.

А потом все рухнуло.

Не сразу, нет. Это было похоже на то, как трещина в старинном фарфоре, сначала почти незаметная, медленно, день за днем, распространяется, пока не разрушит всю целостность. Сначала это были мелочи: забытые звонки, странные отговорки, неожиданные задержки на «очень важной встрече». Он стал чаще проверять мой телефон, но свой всегда держал при себе. Я списывала это на его усталость, на стресс от бесконечных сделок.

До тех пор, пока не нашла это... Маленький, но очень характерный шелковый платок, пахнущий легкими цитрусовыми духами, которые были совсем не в моем вкусе. Он лежал на нашей кровати, словно насмехаясь. Моё сердце сжалось, превратившись в ледяной комок. Я всегда считала себя сильной, рациональной, способной справиться с любой проблемой. Но к этому я не была готова.

— Виктор, — мой голос был чужим, дрожащим, когда он вернулся домой. — Чей это платок?

Он посмотрел на меня, потом на платок. В его глазах мелькнуло что-то похожее на досаду, но не вину.

— Ах, этот... — он махнул рукой. — Какая-то студентка забыла. Приходила по поводу диссертации. Не бери в голову.

Но я не могла не брать в голову. В его голосе не было привычной лжи, только раздражение от того, что я задала этот вопрос. Это было хуже лжи.

— Какая студентка? — настаивала я, и вдруг все части головоломки начали складываться в ужасную картину. Молодые аспирантки, о которых он иногда вскользь упоминал. Его новые, блестящие костюмы. Увеличение командировок.

— Вера, что за допросы? — он повысил голос. — Это моя личная жизнь, и я не обязан перед тобой отчитываться! В тот момент мир вокруг меня пошатнулся.

«Личная жизнь». А наша, общая, что же это было? Я поняла. Просто я не хотела верить.

На следующий день он все рассказал. Так, словно речь шла о новой партии антиквариата.

— Вера, я ухожу, — сказал он, стоя посреди гостиной, где еще недавно мы строили планы на «наше общее дело». — Я встретил женщину, которая понимает меня. Она... молода, полна идей. Она восхищается мною по-настоящему.

— А я? — выдохнула я. — А я что?

— Ты... ты устала, Вера. Ты слишком заиклилась на деталях, на рутине. Тебе не хватает... огня. А она... она видит во мне гения.

Его слова хлестали меня, словно плетью. Гения. Гения, который без моих рук, без моих часов терпения не смог бы достичь и половины своих «шедевров».

— Мы разводимся, — объявил он. — Я уже подал документы. И не пытайся сопротивляться.

А я и не пыталась. Я сидела, оглушенная, словно от сильного удара. Он собрал свои вещи за несколько часов.

— Не переживай, — бросил он на прощание. — Я обеспечу тебя. Пока.

«Пока» оказалось совсем коротким. Через несколько недель мне пришло уведомление от адвокатов. Мастерская, квартира – все было оформлено на него еще десять лет назад. Я, в своей слепой доверчивости, подписала какие-то бумаги, даже не читая их, будучи уверенной, что это просто «формальности». Все наши общие работы, купленные вместе раритеты – юридически это было его. У меня не осталось ничего. Ни жилья, ни мастерской, ни даже частички того, что я считала нашей общей жизнью.

Глава 3

Мир вокруг меня сузился до размеров маленькой затхлой комнаты, которую я снимала на окраине. Стены, кажется, были пропитаны чужими печальями, а единственное окно выходило на глухую кирпичную стену дома напротив.

Вот она, моя новая реальность. Моя жизнь, которая когда-то была яркой, наполненной дыханием времени, звоном инструментов и тихим торжеством возрождённой формы, теперь пахла сыростью и безысходностью.

После того как Виктор, мой муж, мой бог, моя вселенная, выбросил меня со своей орбиты, словно ненужный осколок, я осталась ни с чем.

«Ты никто, просто тень. Без меня ты ноль, серая мышь с отвёрткой.». Слова эти резали и натирали где-то в подреберье до сих пор, как стеклянная крошка, застрявшая под кожей.

Как он мог? Как мог тот, кто когда-то клялся в любви, так легко стереть меня из своей жизни, из нашей общей истории? Мне было сорок восемь, и я чувствовала себя не просто старой, а высушенной, опустошенной. Каждое утро я просыпалась с ощущением, что мой внутренний механизм сломался. И никто, даже я сама, не могла его починить. Впервые в жизни я не знала, куда приложить свои руки, свой бесконечный запас терпения. Нужно было как-то жить.

И я, «серая мышь с отвёрткой», нашла себе работу. Не в уютной, залитой светом мастерской среди изысканных предметов искусства. Нет. Моим новым пристанищем стали запасники старого городского музея.

Пыльные, забытые всеми коридоры, заполненные тысячами предметов, которые ждали своей очереди или не ждали ничего, просто медленно умирали под слоем вековой пыли. Здесь не было сияющих витрин, восторженных взглядов посетителей или гордых объявлений об отреставрированных шедеврах. Здесь была тишина, иногда нарушаемая шорохом проשמывавшей крысы или скрипом старых полок.

И это было почти успокаивающе. Никто не ждал от меня чудес. Никто не присваивал моих заслуг. Я была просто Вера: одна из тех, кто перебирает, каталогизирует и порой, если повезет, спасает то, что ещё можно спасти.

Мой новый начальник, пожилой, вечно чем-то недовольный мужчина по имени Григорий Иванович, с хриплым голосом и в вечно помятом пиджаке, выдал мне очередное задание:

— Верещагина, — он бросил на стол пыльную карточку, — вот, займитесь этим. Привезли из закрывшихся фондов. Напольный секретер, восемнадцатый век. Никто не смог открыть, а ломать, слава всем Богам, не дали. Какие-то там механизмы, говорят. Пробовали уже всё, плюнули. Может, у вас, как у бывшей... кхм... жены нашего знаменитого... ну, вы поняли, получится. Только без фанатизма. Сломаете...

Я взяла карточку. «Кабинет-секретер графа Делакруа». Подпись внизу: «Граф был одержим идеей исправить ошибки прошлого.»

Странно. Мне это сразу показалось странным. Ошибки прошлого... Разве их можно исправить? Секретер стоял в самом дальнем, самом тёмном углу запасника, словно прячась от любопытных глаз. Массивный, из тёмного, почти черного дерева, он казался живым. И дышал.

Я почувствовала это сразу, едва поднесла к нему руку. Не просто старый предмет, а нечто большее. Его поверхность была испещрена резьбой, имитирующей извилистые лозы и причудливые цветы, но главное, что бросалось в глаза — это его закрытость. Никаких видимых щелей, замочных скважин, ручек. Монолит. Как будто он хотел скрыть от мира все свои тайны.

Я провела пальцами по его холодному дереву, прислушиваясь к ощущениям. Где-то там, глубоко внутри, таилась сложная система. Я почти слышала, как спят его шестерёнки, как замерли пружины, ожидая пробуждения. Мои пальцы, мои верные, натренированные пальцы,

которые Виктор называл своими, теперь принадлежали только мне. И они безошибочно скользнули по поверхности, ища неровности, едва заметные зазоры, микроскопические выступы, которые могли бы указывать на скрытый механизм.

Дни сменялись ночами. Сотрудники расходились по домам, оставляя меня в одиночестве с моими старыми друзьями – предметами. Под светом тусклой лампы я забывала обо всем. О Викторе, о боли, о предательстве. Был только секретер и я. В целом мире мы оставались вдвоём. Я чувствовала его "боль", долгое одиночество, желание, чтобы тайны были раскрыты. Это было почти телепатическое общение.

И вот глубокой ночью, когда город уже давно погрузился в сон, а я почти слилась с тишиной запасника, я нашла его. Едва заметный шов в резьбе, прикрытый искусно выточенным листком. Я надавила. Легкий щелчок и крошечная, почти невидимая дверца приоткрылась, обнажив крошечную замочную скважину и миниатюрный фигурный ключ.

Мое сердце забилось чаще. Сколько же рук пытались это сделать? Сколько глаз скользило по этому месту, не ощутив и не заметив ничего? И только я, «серая мышь с отвёрткой», смогла.

Ключ был старинным, с витиеватыми изгибами, идеально подходящий для замка. Мои пальцы дрожали, когда я вставила его. Повернула. Сначала медленно, потом с усилием. Послышался мягкий щелчок, а затем, словно проснувшись после долгого сна, внутри секретера начали вращаться шестерёнки: еле слышно вначале, потом всё быстрее и громче.

Из недр кабинета полилась музыка. Странная, меланхоличная, будто тысячи маленьких скрипок плакали, одновременно, переплетаясь с хрустальным звоном и низкими гулкими нотами. Это была мелодия прошлого, полная тоски и какой-то древней тайны. Я прижалась ухом к дереву, пытаюсь уловить каждый звук, каждую ноту. Мои глаза закрылись.

Я плыла в этой музыке, забыв обо всем, что было до этого момента. Мелодия обволакивала меня, проникала в каждую клеточку. И тут... резкий скрипучий звук! Механизм заело. Моя рука по привычке инстинктивно потянулась внутрь, чтобы поправить. Так всегда было. Я всегда чинила сломанное.

Пальцы нырнули в узкое отверстие, нащупали что-то металлическое, пружинистое. И в ту же секунду кожу пронзила острая боль. Я не просто уколола палец, а почувствовала, как что-то глубоко вонзилось в плоть. Отдёрнув руку, увидела, как на кончике пальца в месте разрыва плоти выступает крошечная капля крови. Но не боль меня поразила.

Мелодия! Она изменила тональность. Стала громче, оглушительнее, словно тысячи голосов запели в унисон. Комната вокруг меня начала плыть, предметы смазывались, стены искажались, пол уходил из-под ног. Запах музейной пыли, такой привычный, растворился, уступив место новому аромату. Сырость. Уголь. И... лаванда. Сладкий, неожиданный, который заполнил легкие, вытесняя всё остальное. В голове зашумело, перед глазами потемнело. Последнее, что я запомнила – ощущение падения. Словно проваливаешься сквозь время и пространство. И эта оглушительная незнакомая мелодия, которая стала единственным, что я ощущала.

Глава 4

Резкий, въедливый запах первым пробился сквозь ватную пелену сна. Смесь застарелой пыли, прогорклого машинного масла и чего-то еще — холодного, металлического. Он щекотал ноздри, заставляя поморщиться. Я медленно открыла глаза, ожидая увидеть высокий потолок музейного хранилища, стеллажи, укрытые белой тканью, и тусклый свет дежурной лампы. Голова оказалась неожиданно светлой, а ведь я заснула на рабочем месте, не иначе.

Но вместо привычной обстановки надо мной нависали почерневшие от времени деревянные балки. Низко, так низко, что, казалось, протяни руку — и коснешься их занозистой поверхности. Я лежала на чем-то жестком, укрытая грубым шерстяным одеялом, которое кололось даже сквозь одежду.

Воздух был сырой и холодный, он пробирал до костей. Это не запасники. И уж точно не моя квартира. Я осторожно повернула голову. Комната была крошечной, заваленной донельзя. Повсюду — на столе, на полках, прямо на полу — лежали инструменты, мотки старой проволоки, латунные шестеренки всех размеров, стальные пружинки и какие-то полуразобранные механизмы, напоминавшие диковинных насекомых.

На стене висели чертежи, испещренные цифрами и непонятными схемами. Это была мастерская. И я находилась в самом ее сердце. Единственным источником света было окно под самым потолком. За мутным стеклом, по которому стекали грязные слезы, царил серый, безрадостный рассвет. Шел дождь.

Я с постели видела только ноги прохожих: вот прошаркали стоптанные башмаки, вот простучали по мокрой брусчатке сапожки на гулких каблучках, скрытые под подолом длинного платья. А потом... прогремело что-то, похожее на развалюху телегу по мостовой. Что?

Какой же реалистичный сон. Мозг — удивительная штука. Видимо, вчерашний день, проведенный с секретером графа, оставил слишком сильное впечатление. Укол иглы, странная мелодия... и вот результат. Мое подсознание создало целый мир, пропитанный духом той эпохи. Детализация поражала. Я даже чувствовала, как по коже бегут мурашки от промозглой сырости.

Мой взгляд зацепился за небольшую печурку в углу, с толстой трубой, уходящей прямо в стену. Она была холодна — я это чувствовала даже на расстоянии. Холод исходил от ее чугунного бока, покрытого рядами заклепок. На мгновение мне отчаянно захотелось встать, найти дрова, растопить ее и просто сидеть рядом, прижавшись к нагретому камню, пока в костях не растает этот промозглый озноб.

Внезапно мое внимание привлек тихий, ритмичный шелчок. Он раздавался из угла комнаты. Я приподнялась на локтях, стараясь не шуметь, чтобы не спугнуть это видение. За массивным рабочим столом, рядом с верстаком во всю стену, заваленным инструментами, сидел, спиной ко мне, мужчина.

Масляная лампа на столе нещадно чадила, как и пара свечей. Я вполне различала «веревочки» дыма, уходящие в закопченный потолок.

Незнакомец был полностью поглощен своим занятием. Светлые, почти белые волосы, растрепавшиеся и длинные, падали ему на лоб, и он то и дело сдувал их нетерпеливым движением. На нем была простая рубаха из грубого полотна, закатанная до локтей и перепачканная маслом, и жилет, который, казалось, когда-то был добротным.

Его фигура была худой, но жилистый, а в движениях его плеч и рук чувствовалась сила и невероятная сосредоточенность. Он походил на хирурга, склонившийся над пациентом.

На столе перед ним лежала крошечная металлическая птичка. Она была вскрыта, обнажая сложнейшее переплетение рычажков, пружин и шестеренок.

На секунду я опешила – зрение мое начало подводить пару лет назад, и без очков я ни за что не рассмотрела бы такие мелкие детали, тем более на расстояние трех – четырех метров от меня! Но потом вспомнила, что во сне возможно всё, и решила досмотреть этот необыкновенный, до мурашек реалистичный «видеоролик».

Его пальцы, длинные и тонкие, двигались с завораживающей точностью. В одной руке он держал тончайший пинцет, которым подправлял что-то невидимое глазу внутри механизма, в другой — миниатюрную отвертку. Время от времени он подносил к глазу окулярную лупу, вглядываясь в свою работу с таким напряжением, что на лбу пролежала глубокая складка.

Я, профессиональный реставратор, невольно залюбовалась. Даже во сне мой мозг сумел создать образ настоящего мастера. В его движениях не было ни грамма суеты. Каждое касание было выверенным, уверенным, полным знания и уважения к хрупкому механизму. Он не чинил — он лечил. Он возвращал к жизни то, что казалось безнадежно сломанным. В этом было что-то глубоко знакомое, что-то, что отзывалось во мне родственной струной.

Минуты текли, сливаясь в гулкое тиканье невидимых часов. Дождь за окном то затихал, то начинал барабанить по мостовой с новой силой. Мужчина издал тихий, удовлетворенный вздох и отложил пинцет. Он взял в руки заводной ключик и осторожно вставил его в основание птички. Несколько плавных оборотов. И вдруг комната наполнилась звуком. Это была не просто мелодия. Это была хрустальная, переливчатая трель, настолько чистая и живая, что у меня по спине пробежал холодок.

Птичка на столе расправила крошечные латунные крылышки, качнула головкой и запела. Звук лился, тонкий и пронзительный, наполняя затхлый воздух мастерской чем-то волшебным и нездешним. Мужчина откинулся на спинку стула, и я впервые услышала его голос — тихий, с нотками бесконечной усталости, но в то же время теплый.

— Ну вот, моя хорошая. Снова поешь, — он бережно закрыл корпус птички, и трель оборвалась. Затем он медленно потер ладонями лицо, словно смывая с него напряжение последних часов, повернулся. И я замерла.

Его лицо было молодым, возможно, ненамного старше тридцати. Тонкие, аристократичные черты, на которых застыла тень вечной заботы. Усталые, но удивительно ясные голубые глаза под светлыми бровями смотрели прямо на меня. На щеке темнело пятнышко смазки, которое он, очевидно, не замечал. Взгляд его был... знакомым. Не в том смысле, что я видела его раньше, а в том, как он смотрел — с тихой нежностью и беспокойством.

Уголки его губ тронула слабая, измученная улыбка.

— Фэйтелин, ты проснулась. Я тут почти закончил, и собираюсь тоже поспать пару часов.

Имя повисло в воздухе. Странное, чужое, похожее на перезвон колокольчиков. Оно не имело ко мне никакого отношения. Я — Вера. Вера Верещагина.

А мужчина смотрел на меня так, будто произнес самое обычное, самое родное для него имя. И в его взгляде не было ни капли сомнения. Он ждал ответа.

Сон перестал быть увлекательным приключением. Он стал странным. Неправильным. И впервые за все это время мне стало страшно. Потому что в ясных его глазах я видела тревогу за кого-то совсем другого. За ту, кого он назвал Фэйтелин.

Глава 5

— Фэйтилин, как ты себя чувствуешь? — повторил мужчина. — Я почти закончил, — голос был мягким, с нотками усталости, но совершенно реальным. Он не был частью фонового шума моего сна. Он был обращен ко мне.

И это имя... Фэйтилин. Оно прозвучало так странно, так вычурно, будто сошло со страниц популярного фэнтезийного романа. Сон становился все более навязчивым и детальным. Мужчина отложил инструменты и медленно повернулся на скрипнувшем стуле. Теперь я видела его лицо. Молодое, тонкое, с резко очерченными скулами и упрямым подбородком. Глаза его, цвета летнего неба, искали что-то на моем лице. В них читалась всепоглощающая сосредоточенность, которая только что была направлена на механизм птички, а теперь обратилась на меня.

— Ты долго спала, — сказал он с легкой улыбкой. — Я уже начал беспокоиться.

Эта улыбка, этот прямой осмысленный взгляд и это абсурдное имя, произнесённое во второй раз — всё вместе сработало как разряд тока. Ледяная волна прокатилась от затылка к пяткам. Это не сон. Во сне не бывает такого холода, такого запаха, такого живого человека, смотрящего на тебя, будто знает всю твою жизнь.

Паника, липкая и удушливая, подступила к горлу. Я рывком села на жесткой лежанке, а затем, шатаясь, вскочила на ноги. Комната качнулась, поплыла перед глазами. Механизмы на полках на мгновение превратились в хищных пауков.

— Эй, тише! — мужчина тоже вскочил, опрокинув лёгкий табурет, и в два шага оказался рядом. Его руки осторожно легли на мои плечи, не давая упасть. — Фэйт, осторожнее. Тебе нельзя так резко вставать. Лекарь сказал: полный покой. Ты слишком долго болела.

Прикосновение его было тёплым и твёрдым. Настоящим.

Я чувствовала тепло его ладоней сквозь тонкую ткань своей рубашки. И это было последней каплей. Животный, первобытный страх затопил меня полностью. Я в чужом месте. С чужим мужчиной. И он называет меня чужим именем. Я попыталась отшатнуться, вырваться, но он держал меня: несильно, но настойчиво.

— Фэйт, это я. Фредерик. Посмотри на меня. Всё хорошо, — он притянул меня к себе, заключая в объятия.

Это было не страстное, а скорее успокаивающее, защищающее движение. Я уткнулась лицом в его пропахшую маслом рубаху, чувствуя, как колотится моё сердце. И в этот момент мой взгляд, блуждающий по комнате в поисках спасения, зацепился за что-то на стене за его спиной.

Это было зеркало. Большое, овальное, потускневшее, в потрескавшейся раме. Стекло было старым, с тёмными пятнами и в тонкой паутинкой трещин, но оно всё ещё отражало. Я видела в нем широкую спину Фредерика, его светлые волосы. А за ним... за ним было моё лицо. Только это было лицо незнакомки.

Из зеркала смотрела тощая, бледная, до смерти напуганная девушка с огромными, темными, как омуты, глазами. А волосы... Каскад длинных вьющихся темно-русых волос рассыпался по плечам.

Я Вера. Вера с русыми, пшеничными волосами, которые я всю жизнь стригла под каре. Я не могла иметь такие волосы. У меня не могло быть такого лица. Я замерла в его объятиях, не дыша.

Мозг отказывался принимать то, что видели глаза. Дрожащей рукой, которая тоже выглядела чужой, я медленно помахала себе в зеркале. Отражение в точности повторило движение —

испуганная темноволосая девушка помахала в ответ. Тихий стон вырвался из моей груди. Это было невозможно. Этого просто не могло быть.

Фредерик, почувствовав, как я застыла, осторожно отстранился, но продолжал держать за плечи, глядя в моё лицо.

— Фэйт, дыши, — произнес он тихо и настойчиво. — Это просто очередной приступ. Все пройдёт, ты же знаешь. Помнишь, что говорил врач? Глубокий вдох... выдох...

«Приступ? Значит, я попала в психушку и то, что вижу – неправда. Мозг, сломанный недавними событиями, просто подкидывает мне новые цветные картинки, чтобы остаться хоть частично целым, не разрушить мою личность полностью! Приступы? Наверное, это доктор, и он знает, что приступы у меня уже были.»

Эта мысль пронзила пелену ужаса холодной острой иглой. Если я сейчас закричу, что я Вера, что в зеркале я вижу не своё лицо, не своё тело!? Что я ничего не понимаю?.. Что они сделают? Они не поверят. Они решат, что я...

«А если... если то, что окружает меня, правда? Если я каким-то образом попала в это тело? Чувствую свои руки, ноги, чувствую, как сейчас, прижимая меня, мужчина дышит в мне ухо. Нет, я слишком рассудительна для умалишённой!»!

Глубоко подышав, сосредоточилась на запахах этой каморки и подумала, что здесь есть и такие, которых раньше знать не могла. А мозг сам не может подсунуть мне новых незнакомых ароматов! И тогда второй вариант показался мне куда более реалистичным, чем первый: с потерей разума!

Нужно было думать сразу об обоих, на всякий случай! Если я каким-то образом попала в другое тело, нужно собраться и не выдать себя. Иначе не избежать мне дома с интересными жителями. И только один чёрт знает, на каком уровне здесь медицина, если даже одежда на мне и на этом мужчине сшита вручную! А с потолка не свисает лампочка!

«Вера, пожалуйста, возьми себя в руки. Если не сделать этого, тебя запрут. Накачают лекарствами. И я навсегда останусь в этой ловушке.» - вполне здраво рассудила и приказала я себе. Нет, я не сошла с ума: мысли хоть и скачут, но подвластны мне, и я могу вспомнить хоть таблицу Менделеева, хоть стишок из детства. Могу срифмовать новый. Могу по размерным щелчкам настенных часов сказать, что они не просто старые, они старинные, и такой механизм не используется уже пару сотен лет!

Осознание этого было страшнее, чем вид чужого лица в зеркале. Я заставила себя сделать рваный судорожный вдох. Потом еще один, глубже. Паника никуда не ушла. Она просто сжалась в ледяной комок где-то в солнечном сплетении. Нужно играть. Играть роль, пока я не пойму, что происходит. Я подняла глаза на Фредерика и заставила себя слабо кивнуть.

— Прости... — голос был хриплым, надтреснутым и тоже совершенно чужим. — Голова... немного кружится.

— Конечно, — с облегчением выдохнул незнакомец. — Конечно, кружится. Ложись. Я принесу тебе воды.

Он помог мне снова опуститься на лежанку, укрыл колючим одеялом. Его беспокойство казалось искренним. Фредерик отошел к небольшому умывальнику в углу, и я, пользуясь моментом, снова посмотрела на свои руки. Бледные, с тонкими длинными пальцами. Не мои мозолистые, привыкшие к работе. Теперь это моя единственная реальность. Когда он вернулся с кружкой воды, я, вероятно, выглядела спокойнее. Его напряжённое до этого лицо чуточку смягчилось.

Я приняла кружку, и наши пальцы соприкоснулись. Я не отёрнула руку.

— Спасибо, Фредерик, — тихо сказала я, впервые произнося его имя. Он удивленно моргнул, а потом его лицо смягчилось.

— Ты назвала меня по имени, — сказал он почти шёпотом. — Давно ты этого не делала.

Плохой знак. Значит, у «нас» все было не так уж гладко. Нужно быть осторожнее. И черт его возьми, кто он мне? Что-то подсказывает, что не брат. Здесь единственная кровать!

— Сколько я... спала? — спросила я, делая маленький глоток. Вода была холодной, с привкусом металла.

— Почти три дня. После того как упала в обморок. Врач сказал: это от истощения. Фэйт, я же просил тебя беречь себя...

Я кивнула, глядя в кружку. Три дня. Значит, я «здесь» уже три дня. А где настоящая Вера? Что с моим телом? Эти вопросы яростно бились в голове, но я загнала их поглубже. Сейчас не время. Мой взгляд упал на рабочий стол, на разобранную птичку. Это была единственная вещь в этом мире, которая была мне понятна.

— Что ты чинишь? — спросила я, чтобы перевести разговор. — Она... очень красивая. Фредерик проследил за моим взглядом. Его лицо снова ожило, глаза загорелись знакомым мне фанатичным блеском творца.

— О, это заказ для одного лорда. Певчая птичка. Он привёз её с Востока! Очень сложный механизм. Кто-то пытался починить его до меня и всё испортил. Но я почти справился. Думаю, завтра я завершу всё, и она снова будет петь. И у нас больше не останется долгов. А уголь нам скоро принесут. Я отдал за него последнее. Но тебе нужно тепло, — голос мужчины становился мягче и мягче. Наверное, он такой у людей, которые очень любят и очень заботятся о своём любимом.

Я не могла даже взглянуть в лицо этого человека. Я смотрела на переплетение тончайших деталей в механизме на другом конце комнаты и чувствовала, как внутри ледяного комка страха просыпается что-то другое. Профессиональный интерес. Я знала, как работают такие механизмы. Я знала, что он делает. И это знание было единственным якорем, единственной ниточкой, связывающей меня с самой собой в этом чужом, пугающем мире.

Глава 6

Где-то через час, решив, что лежать я больше не могу, да и голова будет меньше кружиться, если поменять положение, села. Мужчина посмотрел на меня, но спорить на этот раз не стал. Через пару минут, дождавшись, когда в голове ещё больше прояснится, я поднялась с лежанки. Нужно было еще раз увидеть себя в зеркале.

Казалось, что на этот раз я увижу себя прежнюю, что мне подсунили неправильное изображение и сейчас точно всё настроится. Ведь иначе и быть не может.

Я стояла как вкопанная, глядя на отражение. На незнакомку, которая смотрела на меня моими же глазами. Длинные спутанные кудри, выделяющиеся тёмными кругами, глаза на бледном лице. Это было лицо красивой, измученной болезнью или голодом девушки, но в нём не было ни одной моей черты. Ни моих русых, коротко стриженных волос, ни чуть прищуренных глаз, привыкших к кропотливой работе.

Чужая рука, тонкая, с длинными пальцами, медленно поднялась к щеке. Незнакомка в зеркале повторила движение. Холодная кожа подрагивала под собственным прикосновением. Я — не я. Эта мысль была не криком, а оглушающим беззвучным воплем внутри головы. Я в чужом теле!

Фредерик мой... муж? Он что-то говорил, его голос доносился как сквозь толщу воды. Что-то про приступы, про болезнь, про то, что нужно успокоиться. Я кивала, не в силах вымолвить ни слова. Разум лихорадочно искал объяснение: кома, галлюцинация после удара, сложный детализированный сон, из которого я вот-вот вырвусь?

Убеждая себя молчать и искать выход, чтобы Фредерик не заподозрил “подмену”, я заставила себя оторвать взгляд от зеркала и посмотрела на новоявленного мужа. Попыталась улыбнуться. Губы не слушались, дрожали.

— Да... Прости. Голова немного кружится, — повторила я. — Пожалуй, присяду. Что-то я поторопилась.

В этот момент я поняла, что сил у меня нет от голода! От настоящего, нестерпимого, буравящего нутро. Как я не почувствовала его сразу? Вероятно, случившиеся страх и паника были куда сильнее. Но сейчас я понимала, что попади мне в рот сладкий чай, силы начнут возвращаться. Чай и шоколад, а еще бутерброд со сливочным маслом и тоненьким, почти прозрачным ломтиком сыра! Во рту, до этого сухом и шершавом, как наждачная бумага, вдруг появилась слюна. Нужно хоть что-то съесть.

Фредерик с облегчением выдохнул, его лицо немного разгладилось.

— Конечно, конечно. Я сейчас заварю тебе ромашковый чай. Врач говорил, он помогает.

Он сутился, гремел какой-то посудой у печки, а я опустила на край лежанки, пытаюсь унять дрожь во всём теле. Мне нужно было собрать информацию. Кто я? Где я? Что это за мир, где по улицам ездят кареты, а в мастерских чинят заводных птичек? Я открыла рот, чтобы задать самый простой, самый невинный вопрос, как вдруг...

Резкий, оглушительный стук в дверь заставил нас обоих вздрогнуть. Это был не вежливый стук гостя, а властные, требовательные удары, от которых тонкая деревянная дверь содрогнулась. Я увидела, как Фредерик замер. Вся краска мгновенно схлынула с его лица, оставив мертвенную бледность. Его светлые глаза потемнели от страха, который он даже не пытался скрыть. Он был похож на загнанного в угол зверя. Стук повторился ещё громче, настойчивее.

— Фредерик! Открывай, я знаю, что ты там, ленивый паршивец! Голос за дверью был громким, грубым, с неприятной хрипотцой. Фредерик медленно, как во сне, пошёл к двери. Его плечи поникли, вся его фигура выражала принятие неизбежного.

Он повернул ключ. На пороге стоял человек, который, казалось, заполнял собой весь дверной проём.

Грузный, с выпирающим животом, обтянутым дорогим, но заляпанным жирными пятнами жилетом. Лицо красное, мясистое, с маленькими, глубоко посаженными глазками, тут же впившимися во Фредерика. А затем взгляд метнулся в мою сторону с выражением презрения, оценивающе.

— Мистер Хоббс... — Фредерик растянул губы в улыбке, но доброй она не вышла. — Я же говорил вам, что завтра!

— Говорил он! — рявкнул Хоббс, переступая порог. Комната тут же стала ещё меньше. — Сроки вышли вчера, мастер. Деньги. Или шкатулка.

Спина Фредерика напряглась. Я поняла, что он в замешательстве.

— Мне нужно еще немного времени. Совсем чуть-чуть. Механизм оказался сложнее, чем я думал... жена болеет...

— Твои проблемы меня не волнуют! — отрезал кредитор, его взгляд упал на рабочий стол. — Лорд Эшворт ждёт свою игрушку. Он платит мне, а я плачу тебе. Но раз ты не выполняешь свою часть, то и часть денег, что получил, верни! А долг твой никуда не делся. Где она? Фредерик покорно указал на угол стола. Там, накрытая бархатной тряпицей, рядом с птичкой стояла какая-то коробка. Хоббс грубо сдёрнул ткань.

Даже в моем состоянии я невольно затаила дыхание. Это была не коробка, а шкатулка в виде небольшой клетки, в которую и требовалось посадить ту самую птичку. Настоящее произведение искусства из березы с инкрустацией перламутра и серебра, изображавшей пасторальную сцену.

Работа была тончайшей. Но я, реставратор с двадцатилетним стажем, видела то, что, видимо, ускользнуло от Фредерика. Дело было не только в механизме. Верхняя крышка была едва заметно, на доли миллиметра деформирована. Вероятно, от сырости. Из-за этого крошечного изъяна весь самый сложный механизм внутри не мог работать слаженно. Зубцы не входили в пазы, рычажки цеплялись друг за друга. Бесплезно было чинить шестеренки, не исправив основу.

— Она не готова, — процедил Хоббс, брезгливо ткнув в шкатулку пальцем.

— Я почти... Я почти нашёл причину, — срывающимся на рычание голосом ответил Фредерик.

Такой тон меня поразил: ведь со мной он говорил так нежно, так терпеливо и ласково!

— Слушай меня внимательно, мастер, — Хоббс шагнул к нему вплотную, но Фредерик не отступил. — Я даю тебе срок до вечера. До заката. Или ты приносишь мне работающую шкатулку, или мои люди приходят за тобой. И следующую зиму ты встретишь в долговой яме. Ты меня понял?

Фредерик молча кивнул, не отводя глаз от визитёра.

— До заката, — припечатал кредитор, развернулся и, не сказав больше ни слова, вышел, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась пыль. Наступила тишина. Тяжелая, давящая.

Фредерик стоял посреди комнаты, не двигаясь. Затем он медленно опустился на стул. Плечи его опустились. Даже если он был сломлен, во взгляде я видела надежду. Он как будто мысленно продолжал искать выход.

Маячащая впереди долговая тюрьма, осознание того, что я заперта в этом теле и в этой безнадежной ситуации... все это обрушилось на меня разом. Запах машинного масла вдруг стал невыносимо резким. Пылинки, пляшущие в луче света из крошечного окна, поплыли, сливаясь в одно мутное пятно. Комната качнулась, и я, не издав ни звука, провалилась в темноту.

Глава 7

Холодные брызги ударили в лицо, вырывая меня из вязкой тёмной пустоты. Я судорожно вздохнула, закашлялась. Надо мной склонилось бледное, как полотно, лицо Фредерика. В его голубых, полных отчаяния глазах плескалась неподдельная тревога. Он сжимал в руке мокрую тряпку, которой только что приводил меня в чувство.

— Фэйтелин... Слава богу, — он рухнул на колени рядом с лежанкой, обхватил меня, прижимая к себе с такой силой, что хрустнули кости. Его тело дрожало. Он уткнулся лицом мне в живот и продолжил сбивчиво, с надрывом: — Не уходи... не оставляй меня одного... Я думал, ты снова... Фэйтелин, прошу тебя, не умирай...

Страх в голосе был таким осязаемым, таким искренним, что на мгновение вытеснил мой собственный. Я неуклюже провела по его спине. В этот момент не было ни секретеров, ни музея, ни прошлой жизни. Был только этот отчаявшийся человек и я, запертая в чужом теле. Окончательно и бесповоротно я смирилась: это не сон. Это не приступ безумия, а реальность. Дурно пахнущая, холодная, безнадежная, но теперь уже точно моя единственная реальность.

Паника — плохой советчик. Сейчас мне нужны были не крики и истерики, а ответы. И этот испуганный юноша был моим единственным источником информации.

— Фредерик... — мой голос прозвучал слабо, с незнакомой хрипотцой. — Я здесь. Я не ухожу.

Он поднял голову, вглядываясь в мое лицо.

— Ты помнишь меня?

Я медленно кивнула. Это была самая безопасная ложь.

— Я помню тебя, — прошептала я. — А вот... всё остальное... как в тумане. Словно густая пелена. Наверное, это последствия болезни, — я отвечала и какой-то отдаленной частью сознания понимала, что вопрос с моим непониманием происходящего уже решился: я теряла память. Вернее, не я, а эта Фэйтелин... Значит, будет куда проще задавать вопросы.

На его лице отразилось удивление. Он вглядывался в меня так пристально, будто пытался прочесть в моих чертах что-то новое, чего не было там раньше. Он изучал мои глаза — теперь я знала, что они карие, цвета крепкого коньяка, словно искал в их глубине ответ. Может, он заметил, что взгляд незнакомки из зеркала стал другим? Более осмысленным, более... взрослым?

— Туман... — повторил он задумчиво. — Может, это и к лучшему, — муж помог мне сесть, заботливо подложив под спину какой-то свёрток.

Я огляделась. В комнате стало заметно теплее. В маленькой печурке плясали языки пламени, отбрасывая на стены дрожащие тени. В воздухе витал слабый запах какой-то варёной крупы. Он позаботился обо мне, пока я была без сознания.

— Где мы? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более растерянно. — Как называется этот город?

— Авеншир, — ответил он, не отрывая от меня взгляда. — Ты не помнишь Авеншир? Я покачала головой.

— А этот дом... эта мастерская?

— Она осталась от отца. Он тоже был мастером... лучшим в городе. А я... я пытаюсь.

Он отвел взгляд, и я увидела в его глазах знакомую боль: боль человека, который отчаянно пытается соответствовать, но чувствует, что недотягивает.

— А я? — мой следующий вопрос был самым страшным. — Как я здесь оказалась? Мы... давно женаты?

Фредерик снова посмотрел на меня, и в его глазах промелькнула тень старой печали.

— Почти два года. Я нашёл тебя на улице у церкви Святого Джайлса. Ты умирала от голода. Без памяти, без имени. Имя Фэйтелин я дал тебе сам. Потому что ты была моей верой.

Меня словно ледяной водой окатили. Я Вера. Да, и это мое имя, а не понятие, которое привязал к нищенке этот мужчина. Я уважаемый специалист, реставратор высшей категории, которого ценили за золотые руки, в этом мире была безродной нищенкой, подобранной на улице из жалости.

Шок был таким сильным, что я едва не провалилась в обморок снова.

— Вот, тебе нужно поесть, — спохватился он, заметив мою бледность. Передо мной появилась глиняная миска с дымящейся серой кашницей без соли, без масла, с комками. Запах был не самый приятный, но мой желудок свело от такого острого приступа голода, что я была готова съесть что угодно. Фредерик сел рядом и, зачерпнув кашу деревянной ложкой, поднес к моим губам: — Открой рот.

Я почувствовала себя беспомощным ребёнком, но послушно съела первую ложку, потом вторую. Каша была пресной и склизкой. Но это была еда, наполняющая теплом пустоту внутри. Я съела несколько ложек и увидела, как он слатывает слюну, глядя на миску. Он тоже был голоден.

— Все, я наелась, — твёрдо сказала я, отстраняясь. — Теперь ты.

— Но, Фэйтелин, тебе нужны силы...

— Ты тоже должен есть, Фредерик. Иначе у тебя не будет сил работать. А нам нужно отдать шкатулку.

Он удивлённо посмотрел на меня, но спорить не стал: быстро съел остатки каши. И в том, как жадно он это делал, я поняла, что они оба давно толком не ели. Ещё стало ясно, что Фредерик — неплохой человек. Запуганный, нерешительный. Возможно, не самый талантливый мастер, но не злой. И без него мне здесь не выжить.

Время потекло медленно, тягуче. За окном давно стемнело. Дождь прекратился. Теперь в щели между рамой и стеной ощутимо задувал холодный вечерний ветер. Фредерик не отходил от меня, даже когда я предложила заняться работой. Я хотела каким-то образом подсказать ему или, когда отвернётся, сделать то, что он никак не мог осилить. Но он не дал мне встать и рассказывал о нашей жизни, о своих заказах, о городе. А я слушала, запоминая каждую деталь, каждую мелочь.

Потом он нашёл старый гребень и принялся осторожно расчёсывать мои волосы. Его прикосновения были нежными, почти благоговейными. Заботливые руки пропускали сквозь пальцы мои темно-русые волны. И в этом простом жесте было столько осторожности, что на глаза навернулись слёзы. Я впервые за последнее время почувствовала себя не объектом в чужом теле, а женщиной, которую опекают.

Этот хрупкий, почти домашний покой был разрушен так же внезапно, как и начался. Это был не стук. Это был удар. Короткий, мощный, от которого дверь затрещала и едва не слетела с петель. Фредерик вскочил, роняя гребень.

— Не открывай, — прошептала я, сама не зная почему.

Но было поздно. Дверь резко распахнулась. Прежде чем Фредерик успел дойти до нее, не дожидаясь приглашения, в нашу крошечную мастерскую ввалились трое.

Огромные бородатые мужчины в грубой одежде, от которых пахло кислым и холодом улицы. Они молча оглядели комнату, тяжелые взгляды остановились на мне. Тот, что стоял впереди, кивнул в нашу сторону:

— Они, — а потом обратился с ледяным спокойствием, от которого кровь застыла в жилах. — Одевайтесь. Живо.

— Ну что, часовщик? Время вышло, — одним из налётчиков был тот самый Хоббс, приходивший уже... утром? А сейчас... вечер!

Фредерик подбежал ко мне и встал, заслоняя меня собой.

— Я же просил до завтра... Мне нужно еще немного времени! — голос моего мужа звучал уверенно и даже боево, но я видела, что эти трое пришли не разговаривать.

— Твоё время — деньги, которых у тебя нет, — пробасил Хоббс, — Хозяин ждать не любит.

Взгляды мужчин исследовали меня оценивающе, сально. Я инстинктивно съёжилась, натягивая одеяло до самого подбородка.

— А это что ещё за пташка? — хмыкнул третий. — Не её ли мы в прошлый раз?..

Рыжий оборвал его резким жестом:

— Хозяин велел забрать обоих. Так что одевай свою куколку, Фредерик. Прогуляемся, — команда прозвучала как приговор.

Куда? Зачем? Мой разум лихорадочно метался. Я оглядела комнату в поисках одежды. Что я должна надеть? Мой взгляд скользнул по стулу, где лежала какая-то бесформенная груда ткани, но я не понимала, что это. Где свитер, юбка? В голове была абсолютная пустота. Я не знала, как одеваются в этом месте.

Видя мое оцепенение, Фредерик, нервно передёрнув плечами, шагнул к сундуку у стены. Он вытащил оттуда простое тёмное платье из грубой ткани.

— Вот... надень это, — прошептал он, избегая смотреть мне в глаза. Мужчины наблюдали. Они не скрывали своего любопытства, их ухмылки становились всё шире.

Горячая волна стыда и унижения захлестнула меня. Переодеваться... при них? Фредерик понял мой безмолвный ужас. Он взял одеяло и попытался соорудить из него некое подобие ширмы, встав между мной и ними. Это было жалкое, отчаянное прикрытие, но я была благодарна и за это. Подумав, я решила не снимать серую шитую-перешитую ночную сорочку. Сверху лихорадочно натянула платье. Оно было холодным и неприятно шершавым.

— Чулки, Фэйт. Там холодно, — просипел Фредерик, протягивая мне два длинных вязаных чулка.

Мои пальцы не слушались, я никак не могла натянуть их на ноги. Лысый громила громко расхохотался:

— Давай помогу, красавица! У меня руки ловкие!

— Не трогай ее! — выкрикнул Фредерик. Он опустился передо мной на одно колено и, не поднимая головы, быстро натянул мне чулки. Его руки дрожали так сильно, что он едва справлялся. Я видела только его светлую макушку и чувствовала, как по щекам текут слезы бессилия.

Фредерик поднялся. Он растерянно огляделся, а потом вынул из-под лежанки грубые стоптанные башмаки. И, вероятно, заметив мой испуганный взгляд, сказал:

— Других нет... Прости.

Они были на несколько размеров больше, твердые, как из дерева. Я с трудом закрепила в них ноги. Каждый мой жест, каждое движение сопровождалось смешками и скабресными шуточками этих людей. Унижение было почти физически невыносимым. Мир начал сужаться, звуки стали глухими, цвета поблекли.

Я встала, качаясь в огромных башмаках. Сделала шаг. И пол ушел у меня из-под ног. Комната накренилась, отвратительные лица расплылись в одно ухмыляющееся пятно. Темнота, спасительная, милосердная снова поглотила меня. Последнее, что я почувствовала — как сильные, хоть и дрожащие руки Фредерика подхватили меня, не давая упасть на грязный пол.

Глава 8

Свежий морозный воздух ударил в легкие, обжигая изнутри, как глоток чистого спирта. Я снова вынырнула из темноты беспамятства, но на этот раз не в постели, а в движении. Мир качался. Земля под ногами отсутствовала: я была на руках у Фредерика. Он нёс меня, тяжело дыша и спотыкаясь на неровной брусчатке.

Руки мужчины дрожали, передавая эту дрожь моему телу, но хватка была железной, отчаянной. Вокруг сгушались сумерки, пропитанные сыростью и запахом дыма. Узкая улочка, зажатая между глухими стенами домов, тонула в тенях. Редкие газовые фонари горели тускло, выхватывая из темноты лишь грязные лужи и углы зданий, покрытые плесенью.

— Шевелись, часовщик! — грубый тычок в спину заставил Фредерика пошатнуться. Я невольно вцепилась в лацканы его потёртого сюртука. Перед нами черной громадой возвышалась карета. Она выглядела зловеще: без гербов, без опознавательных знаков, обитая чем-то тёмным и матовым, поглощающим скудный свет. Окна были наглухо зашторены.

Лошади, такие же черные и жилистые, нетерпеливо перебирали копытами, высекая искры из камней мостовой. Пар вырывался из их ноздрей густыми клубами. На секунду я подумала, что в ад, вероятно, отвозит точно такой же экипаж.

Один из верзил распахнул дверцу, и Фредерик, пригнувшись, влез внутрь, стараясь не задеть моей головой притолоку. Он бережно опустил меня на жесткую деревянную скамью, а сам сел рядом, тут же обняв за плечи и притянув к себе, словно пытаясь укрыть своим телом от всего мира. Дверь захлопнулась с тяжелым плотным звуком, отрезая нас от улицы.

Внутри пахло старой кожей, пылью и чьим-то дешёвым табаком. Карета дёрнулась и покатилась. Колёса загрохотали по булыжникам, и каждый толчок отдавался в моем ноющем теле.

— Куда мы едем? — спросила я, едва ворочая языком. Голос был тихим, шелестящим, как сухая листва. В темноте кареты я не видела лица Фредерика, но чувствовала, как напряглись мышцы его плеча.

— В долговую тюрьму, Фэйтилин, — выдохнул он. В его голосе звучала такая беспросветная тоска, что мне стало жутко. — Прости меня. Я не успел. Я подвёл нас.

Долговая тюрьма. Слова, сошедшие со страниц романов Диккенса, теперь стали моей реальностью. Ледяной ужас, липкий и парализующий, начал подниматься от живота к горлу. Тюрьма. Решётки. Грязь. И, возможно, навсегда.

Но вместе с ужасом во мне начала закипать злость. Жгучая, яростная злость на собственную беспомощность. Я лежала здесь, как тряпичная кукла, позволяя себя везти на заклятие, в то время как решение было у меня перед носом! Та шкатулка. Я видела её механизм. Я видела полонку! Это был сложный, но вполне понятный мне дефект передаточного вала. Мои руки, руки Веры справились бы с этим за пару часов, будь у меня хоть немного сил. Я стиснула зубы. Чёрт поberi это слабое тело! Чёрт поberi этот обморок!

Если бы я не отключилась, то могла бы объяснить, могла бы показать... Хотя кто бы стал слушать "сумасшедшую" жену должника? Мне нестерпимо захотелось выглянуть наружу. Понять, где мы, запомнить дорогу, увидеть хоть какой-то ориентир. Я потянулась к шторке, пальцы нащупали плотную ткань, но Фредерик мягко перехватил мою руку.

— Не надо, — прошептал он.

Мы ехали долго. Стук копыт и скрип рессор убаюкивали, пытаясь утащить меня обратно в спасительное забытие, но я боролась. Я слушала. Звуки менялись. Сначала это был шум гулкой, вероятно, замкнутой по обе стороны домами улицы, цокот встречных экипажей. Потом стало тише. Колеса зашуршали по гравию или грязи.

Наконец карета остановилась. Снаружи слышались грубые голоса, лязг металла: открывали тяжёлые массивные створки ворот. Мы въехали внутрь и карета снова встала. Дверь распахнулась. В проёме стоял тот самый лысый верзила.

— Вылезайте, голубки. Приехали.

Фредерик помог мне выбраться. Ноги подкашивались, и я тяжело опиралась на него, чувствуя себя неуклюжим медведем в этих чужих башмаках. Мы оказались в небольшом дворе-колодце, замкнутом стенами из грязного серого кирпича. Небо, затянутое тучами, здесь было видно лишь крошечным клочком где-то высоко вверху. Двор освещался чадящими факелами, закрепленными в ржавых скобах на стенах. Огонь метался на ветру, отбрасывая длинные пляшущие тени, которые, казалось, тянули к нам свои когтистые лапы.

Под ногами хлюпала жидкая грязь, смешанная с соломой и нечистотами. Запах здесь стоял невыносимый — концентрация безысходности, немых тел и гниющих отбросов. Вокруг суетились люди. Какие-то надзиратели в серых мундирах. Такие же оборванные, как и мы, заключенные, которых вели куда-то группами.

Звон цепей, ругань, чей-то сдавленный плач — все это сливалось в какофонию ада. К нам подошел человек со связкой ключей на поясе. Его лицо было рябым, нос перебит, а глаза смотрели с равнодушием мясника, оценивающего тушу.

— Документы, — буркнул он, не глядя на нас.

Один из наших провожатых передал ему свернутый пергамент. Надзиратель развернул его, пробежал глазами, сплюнул в грязь.

— Фредерик Вальц в мужской блок, корпус Б. Фэйтелин Вальц — в женский, корпус С.

Фредерик дернулся, крепче прижимая меня к себе.

— Нет! Мы муж и жена! Вы не можете нас разделить! Она больна, ей нужен уход!

— Здесь не лечебница, — рявкнул надзиратель. — Правила одни для всех. Мужики направо, бабы налево.

Двое стражников шагнули к нам, грубо отрывая меня от мужа.

— Фредерик! — вскрикнула я, чувствуя, как его тепло исчезает.

— Я найду способ! — кричал он, пока его тащили прочь, к мрачному кирпичному зданию с узкими окнами-бойницами, забранными толстыми решетками. — Фэйтелин, держись! Я все исправлю!

Меня поволокли в другую сторону. Я оборачивалась, пытаюсь выхватить взглядом светлую макушку в полумраке, но он уже исчез в чёрном провале двери. Меня подвели к другому зданию, такому же угрюмому и неприветливому. Окна здесь были расположены выше, из них не доносилось ни звука, словно это был склеп. Тяжёлая дверь, обитая железом, со скрипом отворилась передо мной. Изнутри пахло сыростью и кислым запахом капусты.

Надзиратель толкнул меня в спину.

— Заходи, новенькая. Добро пожаловать в "Яму". Я перешагнула порог, и тяжелая дверь захлопнулась за моей спиной с тем же звуком, с каким падает крышка гроба.

Я осталась одна. Без Фредерика, без понимания, где я. В чужом слабом теле, посреди кошмара, который и не думал заканчиваться. Но где-то глубоко внутри, под слоями страха и слабости начала подниматься холодная, расчетливая ярость.

Глава 9

Конвоир, молчаливый детина с ключами на поясе, ухватил меня за локоть и потащил вниз по каменным, выщербленным, наверное, веками и тысячами ног, ступеням. Они уходили в темноту крутой спиралью, и каждый шаг давался с трудом. Подошвы скользили по влажному камню, покрытому не то плесенью, не то просто вековой грязью. Здесь пахло сыростью, затхлой водой и тем особым кислым запахом безысходности, который, кажется, въедается в сами стены таких мест.

Чем ниже мы спускались, тем холоднее становилось. Этот холод был иным, нежели на улице. Там он был живым, ветреным, кусачим. Здесь — мертвым, стоячим, пробирающимся под кожу медленно, но неотвратимо. Шаль, которую накинул на меня Фредерик, казалась теперь не толще паутинки.

Я дрожала, и зубы начали выбивать дробь, которую я тщетно пыталась унять, сжимая челюсти. Мы остановились перед низкой массивной дверью, обитой ржавым железом. Ключ скрежетнул в замке так громко, что звук, отразившись от каменных сводов, ударил по ушам.

— Входи, — буркнул конвоир и, не дожидаясь, пока я соберусь с духом, с силой толкнул меня в спину.

Я влетела внутрь, едва удержавшись на ногах, и тут же замерла. Дверь за спиной с грохотом захлопнулась, лязгнув засов, отсекая даже тот скудный свет факела, что был в коридоре. Темнота была абсолютной: плотной, словно чёрная вата, которую набили в уши и глаза. Я стояла, боясь пошевелиться и сделать вдох. Казалось, шаг в сторону — и я провалюсь в бездну. Пространство вокруг давило.

Это была не комната. Это был каменный мешок, склеп, в котором, казалось, воздуха хватит лишь на несколько часов. Паника, холодная и липкая, начала подниматься в груди, мешая дышать.

«Я Вера. Я не должна быть здесь. Это ошибка. Это кошмар.», — билось в голове набатом.

Вдруг из угла справа от меня раздался звук: влажный надрывный кашель. Кто-то задыхался, пытаясь вытолкнуть из лёгких мокроту. Я вздрогнула и отшатнулась, ударившись плечом о шершавую, ледяную стену. Звук прекратился так же внезапно, как и начался. Повисла тишина, нарушаемая лишь чьим-то тяжёлым сопением.

— Ну, чего застыла? — прохрипел из темноты женский голос. Он был низким, сорванным, звуки перекатывались, как галька в приборе. Голос человека, который либо много пил, либо давно и тяжело болел. — Иди прямо.

Я моргнула, пытаясь хоть что-то разглядеть, но тщетно.

— Прямо? — мой голос дрожал и сорвался на шепот.

— Прямо, — подтвердила невидимка. — Иди и уткнись в стену. Возле неё можешь ложиться. Там солома.

— Спасибо, — тихо выдохнула я. Слово прозвучало абсурдно вежливо в этом месте, но привычка быть воспитанной оказалась сильнее страха.

Я выставила руки перед собой, как слепая, и сделала первый, неуверенный шаг. Под подошвой хлюпнуло. Земляной пол был покрыт раскисшим слоем. Второй шаг. Третий. Нога вдруг провалилась во что-то шуршащее, мягкое и колючее, увязнув по самую щиколотку. Солома.

Запах гнили ударил в нос сильнее: солома была старой, слежавшейся, впитавшей в себя пот и грязь десятков тел. Я остановилась. Ложиться в это месиво? В темноте, в грязь, среди незнакомых людей? Всё моё существо, привыкшее к стерильной чистоте музейных лабораторий взбунтовалось. Меня затрясло: то ли от холода, то ли от омерзения.

— Так и будешь стоять? — снова подала голос женщина с хрипотцой. В ее тоне не было злости, скорее усталое равнодушие. — На работу поднимают в шесть. И работать надо будет до восьми или девяти вечера, пока норму не сделаем. Силы побереги. Ложись.

Я прислонилась спиной к стене. Камень холодил даже через ткань платья, вытягивая остатки тепла. Но ноги уже не держали. Слабость после болезни, стресс, голод — все это навалилось разом тяжелой плитой. Я постояла еще минуту, собираясь с духом.

— Сколько вас здесь? — спросила я в пустоту, стараясь, чтобы голос звучал тверже.

Кто-то хмыкнул в другом углу.

— Семеро, — ответила та же женщина. — И вот там, где ты стоишь, место как раз единственное. Больше нигде. Только ногами меня не пинай, — голос прозвучал совсем рядом, слева. Я вздрогнула.

— Простите, — прошептала я.

Делать было нечего. Я поджала ноги и медленно, стараясь не касаться соломы руками, опустилась вниз. Сначала на корточки, потом села. Солома зашуршала. Я аккуратно пощупала пространство вокруг себя. Левее рука наткнулась на грубую ткань — чье-то плечо. Человек дёрнулся, что-то проворчал во сне. Правее тоже кто-то лежал. Люди лежали вповалку, головами к стене, как селедки в бочке. Тепло от их тел было едва ощутимым, но оно было единственным, что не давало этому подвалу окончательно вымерзнуть.

Я подтянула колени к подбородку, пытаясь укутаться в шаль целиком. Холод пробирался снизу от земли. Как здесь можно спать? Как здесь можно жить?

— Глаза подними, — вдруг раздался новый голос, тихий и молодой, откуда-то справа. — Немножко будешь видеть... просто тучи. Небо темное. Я запрокинула голову. Сначала мне показалось, что я смотрю в бездну. Но потом, когда зрение начало адаптироваться, я увидела, что над моей головой, под самым потолком, там, где каменная кладка смыкалась со сводом, было окно. Но оно было забито то ли досками, то ли ржавым железным листом. Однако преграда была не сплошной. Сквозь неё пробивался свет. Десятки крошечных, хаотично разбросанных отверстий: может быть, следы от гвоздей, а может, прогнившие дыры в дереве.

Сквозь них сочился слабый, призрачный лунный свет. Серый, мутный, едва живой. Это было похоже на искажённое, неправильное звёздное небо. Тоненькие, как иглы, лучики света пронзали спёртый воздух камеры. Лучи упирались в противоположную стену, высвечивая на ней неровности камня, потеки влаги, клочья паутины. Я смотрела на эти пятна света как завожжённая. Это была единственная связь с внешним миром. Там, снаружи, была жизнь. Там дышали, ходили, смотрели на настоящее небо.

Через несколько минут глаза привыкли настолько, что темнота перестала быть чёрной стеной и стала серой мглой. Я начала различать контуры. Груды тряпья на полу, которые при ближайшем рассмотрении оказывались людьми. Сгорбленные фигуры, укрытые лохмотьями. Тяжёлые балки на потолке. И дверь. Массивную, с огромными петлями. Возле двери, в самом углу, стояло ведро. От него исходил тот самый тяжёлый кислый запах. Туалет. Прямо здесь, в метре от спящих людей.

Реальность происходящего обрушилась на меня с новой силой. Я, Вера, человек двадцать первого века, привыкшая к горячему душу, чистому белью и уважению коллег, теперь сижу в соломе в подвале долговой тюрьмы Авеншира, в теле чужой женщины, окруженная незнакомцами, и боюсь пошевелиться, чтобы не разбудить соседку.

Слёзы, горячие и злые, покатались по щекам. Я вытерла их краем шали. Плакать нельзя. Это трата сил и воды. Фредерик тоже в одной из таких ям.

Меня разбудил собственный кашель — сухой, надрывной, будто лёгкие пытались вывернуться наизнанку. Каждый спазм отдавался тупой болью в рёбрах, вытряхивая из меня остатки забытья. Я лежала на гнилой соломе, которая кололась сквозь тонкое платье. Но холод, идущий

щий от каменного пола, был страшнее. Он просачивался в мышцы, делая их деревянными и непослушными.

Ещё ужаснее было разыгравшееся чувство голода. Это было не то лёгкое чувство аппетита, когда ты задерживаешься на работе и мечтаешь об ужине. Нет. Это был зверь, запертый внутри. Желудок сводило судорогой, он требовал, умолял, выл. Мне казалось, что если я сейчас же что-нибудь не съем, я просто исчезну, растворюсь в этой темноте. Я готова была грызть этот заплесневелый камень. Мне хотелось хлеба. Простого грубого хлеба с крупной солью. Запить его водой, почувствовать тяжесть внутри, ощутить, как тело наполняется теплом.

Кашель снова скрутил меня, сгибая пополам. Я хватала ртом спёртый вонючий воздух подземелья, но он не приносил облегчения.

— Когда принесут еду, не нюхай, зажимай нос и выливай все в рот, — голос прозвучал из темноты справа, неожиданно совсем рядом. Он был скрипучим, болезненным, словно ржавые петли старой двери, которую давно не смазывали.

Я с трудом повернула голову. В полумраке, едва разгоняемом тусклым рассветом, из крошечных, будто пулевых, отверстий под потолком я различила силуэт. Женщина средних лет, молодая? Или старуха? Понять было невозможно. Спутанные седые волосы падали на лицо, скрывая черты. Видны были только блестящие в темноте глаза и костлявая рука, протянутая ко мне.

— Похлебка тут ужасная. Но выжить с ней можно. Я уже четвертую неделю тут. Сил, конечно, маловато, но живая, — она кивнула, и её глаза блеснули. Я приподнялась на локте, голова тут же закружилась, перед глазами поплыли цветные пятна.

— Я так хочу есть... — вырвалась у меня почти жалоба, почти стон. — У вас нет хотя бы кусочка хлебушка?

— Хлебушка... — раздалось с хохотком с левой стороны. Этот голос был другим. Глухим, низким, полным ядовитой иронии и затаённой злобы. Я скосила глаза влево. Там, прислонившись спиной к влажной стене, сидела еще одна фигура. Она казалась крупнее первой, но сидела сгорбившись, обхватив колени руками. — Хлебушка мы не увидим ещё долго. Вот как отдадим долги... — она издала короткий лающий смешок, который тут же перешел в булькающий кашель. — Тогда, может, выйдем на улицу, и возле церкви можно будет получить краюху из рук доброго человека. Если доживём, конечно. А здесь... здесь хлеб — роскошь для тех, кого родня не забыла. Твой-то муж где? В мужском крыле?

— Да, в мужском, — ответила я, вытирая сухие и обветренные губы тыльной стороной ладони. — Нас разлучили во дворе.

— Ну вот. Значит, никто тебе передачку не принесёт. Привыкай к баланде, милая. И молись, чтобы твой муженёк оказался удачливее моего и смог откупиться. Мой вот уже полгода «откупается»: не пришёл ни разу!

Женщина справа, та, что с «опытом», вздохнула и зашуршала соломой, устраиваясь поудобнее.

— Не пугай девочку, Марта. Она и так еле дышит. А ты, — обратилась она ко мне, — ешь всё, что дают, и спи побольше. Во сне есть не хочется.

Я снова легла на колючую подстилку. Камень охлаждал спину, но внутри меня теплилась еще эта новая, неизвестная мне еще жизнь незнакомого мне тела. Отвратительная, беспросветная, пахнущая гнилью, но жизнь. Я закрыла глаза. Перед внутренним взором стояла та шкапулка. Идеальный механизм, испорченный одной маленькой деталью.

Я видела эту деталь так ясно, будто чертёж был выжжен на веках. Шестерёнка привода. Она была смещена на долю миллиметра. Всего лишь доля миллиметра отделяла нас от свободы, от тёплого дома, от нормальной еды. Если бы у меня было вчера здоровье и время. Я сжала кулаки. Слабые тонкие пальцы Фэйтелин, но внутри них жила память моих рук.

Я не собираюсь здесь умирать, ожидая подачи у церкви. Я должна выбраться. Я должна найти способ добраться до Фредерика, потому что человек, полюбивший и приютивший нищенку, не может быть плохим!

Но пока мне нужно просто пережить эту ночь. И следующую. И ту, что будет за ней.

— Спи, — снова прошептала соседка справа. — Завтра будет день. Может, кого и выкупят. А может и нет.

В темноте кто-то тихо, безнадежно заплакал.

Глава 10

Звук отпираемого замка прозвучал как выстрел. Тяжёлый засов сдвинулся с таким скрежетом, будто металл кричал от боли, и дверь, застонав петлями, распахнулась. В наш каменный мешок ворвался свет. Он был тусклым, серым, сочащимся из редких запylённых окон под самым потолком в коридоре и от чадающего факела в руках надзирателя.

Я зажмурилась, прикрывая лицо ладонью. Рядом зашевелилась солома. Тени, которые ночью были лишь сопящими холмиками, начали обретать плоть и форму. Женщины поднимались, тяжело кряхтя, разминая затёкшие на холодном полу конечности.

— Вставай, новенькая. Завтрак не ждет. А надзиратели тем более, — в неверном свете утра я наконец-то смогла рассмотреть свою соседку, ту самую, что учила меня дышать и обязательно есть всё, что дают.

Шок ударил меня под дых едва не сильнее, чем голод. Она сидела на корточках, отряхивая солому с юбки, которая когда-то, вероятно, была серой, но теперь приобрела цвет грязи. Её имя Эвелин, и ей тридцать. Она сама сказала об этом ночью, когда мы перебросились парой фраз в темноте. Но сейчас передо мной была старуха. Лицо землистое, будто пыль подземелья въелась в поры, навсегда став частью пигментации. Глубокие резкие морщины пересекали лоб и залегли у крыльев носа. Ввалившиеся щёки обтягивали скулы так плотно, что казалось, кожа вот-вот треснет.

Вздохмаченные, давно не знавшие ухода брови нависали над запавшими глазами, в которых, однако, тлел какой-то упрямый, злой огонёк. Когда она зевнула, прикрыв рот тыльной стороной ладони, я увидела, что зубов не хватает: они торчали через один, желтые и выщербленные.

Тридцать лет. Господи, всего тридцать. В моём времени женщины в тридцать только начинали жить, строили карьеру, выбирали кремы от первых мимических морщинок. А здесь тридцать лет были приговором.

Я смотрела на сокамерницу и видела своё возможное будущее, если не выберусь отсюда. Зеркало, которое не лжёт.

— Чего уставилась? Идём, пока миски не разобрали, — она не обиделась. В голосе звучала лишь усталая привычка к чужому вниманию. Эвелин протянула мне руку, шершавую, с обломанными под корень ногтями. Я ухватила за неё, чувствуя удивительную силу в этих худых пальцах, и поднялась. Ноги гудели, тело казалось чужим и неповоротливым, но голод гнал вперёд, приглушая боль.

Мы вышли в коридор. Здесь уже толпились женщины из других камер. Серая безликая масса в лохмотьях. Воздух был спёртым, тяжёлым. Пахло немытыми телами, сыростью и чем-то кислым, отчего желудок сжимался в спазме, одновременно требуя еды и отвергая саму мысль о ней. В конце коридора, громыхая колёсами по неровному каменному полу, двое дюжих детей катили тележку. На ней возвышался огромный закопчённый котел. От него валил пар, густой и жирный. Запах еды ударил в нос. Это не был аромат домашнего супа или свежего хлеба. Это был запах варева — смеси гнилой капусты, прогорклого сала и чего-то ещё, что лучше было не идентифицировать.

Но для моего измученного пустого желудка этот запах был слаще амброзии. Рот наполнился слюной мгновенно, до боли в челюстях.

— Стройся! Живее, отребе! Миски не задерживаем! — Надзиратель, рыжий мужчина с бычьей шеей, лениво помахивал дубинкой, наблюдая за процессом.

Мы встали в очередь. Я старалась не смотреть по сторонам, сосредоточившись на спине Эвелин. Когда мы приблизились к тележке, я увидела их. Миски. Они стояли стопкой рядом с котлом, прямо на грязных досках тележки. Железные, погнутые, местами ржавые. Но ужас был не в их ветхости. Ужас был в том, что их явно никто не мыл.

Я видела, как заключенная передо мной, трясущимися руками схватив миску, случайно уронила её. Та ударилась о землю, перекатилась и плюхнулась ободком прямо в жидкую чавкающую грязь под ногами — смесь земли, плевков и того, что стекало с сапог надзирателей. Она замерла на секунду.

— Поднимай! Жрать хочешь или нет? — рявкнул раздатчик, черпая половником густую жижу. Заключённая торопливо подхватила свою миску. Грязь по её краям стекала внутрь. Она, даже не пытаясь вытереть её о свою одежду, которая была не чище, просто подставила посудину под половник. Шлепок. Серая масса наполнила миску, смешиваясь с грязью на дне. И она отошла, жадно прижимая это сокровище к груди.

К горлу подступила тошнота.

«Вера, ты не можешь. Ты не будешь это есть. Это дизентерия. Это смерть.» — мой разум, воспитанный на правилах гигиены, антисептиках и чистых скатертях, кричал, бил в набат.

— Следующая! — Эвелин взяла свою порцию, ловко увернувшись от брызг, и обернулась ко мне. В её глазах читалось понимание. Она видела мою брезгливость, мой ужас.

— Не думай, — одними губами произнесла она. — Просто ешь. Иначе сдохнешь до вечера.

Подошла моя очередь. Раздатчик, даже не взглянув на меня, швырнул очередную миску на край тележки. Я взяла ее. Металл был на ощупь жирным, липким. На краю засох кусочек чего-то зелёного, оставшийся, видимо, с прошлого... ужина? Обед? Недели назад? Я протянула руку.

Тяжелый половник опрокинулся, и в мою миску шлёпнулась порция баланды. Она была горячей. Это было единственное её достоинство. Пар ударил в лицо, неся запах прелого зерна и несвежего жира.

— Отходи! — прокричал охранник.

Я отступила, прижимая миску к себе, стараясь не расплескать драгоценное тепло.

Мы отошли к стене, где уже устроились другие женщины. Ложек не было. Конечно, их не было. Здесь ели, как животные. Я смотрела в миску. В мутной серо-бурой жиже плавали куски разварившейся крупы, какие-то волокна и ошметки капустных листьев.

— Ну же, — тихо сказала Эвелин, уже сделавшая несколько больших глотков. — Пока горячее. Холодным это в глотку не полезет. Забудь, кто ты была. Сейчас ты просто желудок. Просто желудок.

Я вспомнила слова, которые она шептала мне ночью. Зажимай нос. Глотай. Не жуй. Я закрыла глаза. Представила, что это лекарство. Горькое, противное, но необходимое лекарство, которое спасёт мне жизнь. Я должна выжить. Я должна найти Фредерика. Я должна разобраться, как вернуться домой или как жить здесь.

Брезгливость — роскошь живых, а для выживания она бесполезна. Я набрала в грудь воздуха, словно перед прыжком в ледяную воду. Левая рука, дрожа, поднялась к лицу и зажала нос, отсекая смрад. Правая поднесла край жирной липкой миски к губам и наклонила её.

Горячая густая масса полилась в рот. Вкус... Я старалась его не замечать, но язык все равно уловил нотки прогорклости, земли и соли. Много соли. Она обжигала потрескавшиеся губы.

Глотай. Не жуй. Я сделала огромный глоток. Слизкая субстанция, комковатая и тяжёлая, проскользнула в горло. Меня передёрнуло. Пищевод спазмировался, пытаюсь вытолкнуть инородное тело обратно, но я подавила рвотный позыв усилием воли. Второй глоток. Третий.

Горячее. Оно было горячим. Я чувствовала, как этот жар прокладывает путь внутри меня, спускаясь в пустой, скрученный болью желудок.

И как только жидкость достигла цели, боль начала отступать. Тепло разливалось по телу, возвращая чувствительность пальцам ног, заставляя кровь бежать быстрее. Я пила жадно, большими глотками, давясь, но не останавливаясь. Я боялась, что если остановлюсь, то уже не смогу заставить себя продолжить. Я выливали в себя эту грязь, чувствуя, как с каждым глотком во мне просыпается что-то первобытное, звериное. Благодарность. Благодарность за то, что брюхо набито. Когда на дне осталось лишь немного мутной жижи, я, наконец, оторвала миску от лица и разжала нос.

Шумный выдох вырвался из груди. Легкие снова наполнились тюремным смрадом, но теперь он казался не таким невыносимым. Я стояла, прислонившись спиной к влажной стене, и чувствовала тяжесть в животе. Приятную, давящую тяжесть.

Эвелин, которая наблюдала за мной, одобрительно хмыкнула и вытерла рот рукавом:

— Вот так, девочка. С почином тебя. А теперь допивай остатки и пошли. Рабочий день длинный, а сил у тебя — кот наплакал.

Я посмотрела на дно миски. Там плавал какой-то черный комочек. Я не стала разглядывать, что это. Я просто опрокинула остатки в рот и проглотила.

— Молодец, — Эвелин хлопнула меня по плечу, чуть не сбив с ног. — Жить будешь. А теперь ставь посуду в кучу и за мной. Нам в прачечную. И моли Бога, чтобы сегодня не было стирки офицерских портков.

Я кивнула, чувствуя странное оупение. Вера-реставратор, которая могла часами подбирать оттенок лака для старинного бюро, исчезла. Осталась Фэйтелин, заключенная долговой тюрьмы, у которой в животе плескалась горячая баланда, а впереди был день каторжного труда. И, странное дело, от этой горячей еды, пусть и отвратительной, в голове немного прояснилось. Я жива. Я сыта. И я готова бороться.

— Спасибо, Эвелин, — прохрипела я. Голос после еды стал немного твёрже.

— Не за что. Тут каждый сам за себя, но подышать в первый же день — дурная примета для камеры. Идём.

Мы двинулись вслед за остальными по тёмному коридору вглубь тюремных недр, навстречу неизвестной и, судя по всему, бесконечной работе.

Глава 11

Доброта и общительность Эвелин оказались не единственными её достоинствами. Когда дверь крыла распахнулась, и нас погнали на улицу, она кряхтя, но споро выскочила первой, таща меня за собой. Я, ещё не до конца отошедшая от обмороков и голода, послушно плелась следом, не особо понимая, куда мы идем. Но Эвелин точно знала.

Мы оказались в узком грязном дворе, освещённом несколькими тусклыми фонарями. Воздух был промозглым, холодным, но уже не таким пронизывающим, как в камере. Из соседних дверей тоже сыпались женщины: сонно кряхтящие, испуганные, одетые в отрепья, похожие на тени. Я вздрогнула, когда чья-то рука коснулась моего плеча, и обернулась.

— Новенькая, да? — на меня пахнуло кислым запахом пота и страха. Я молча кивнула, стараясь не встречаться взглядом.

Эвелин словно почувствовала моё состояние. Она сжала мою руку так крепко, что я невольно застонала, а потом толкнула меня вперед.

— Шустрее, Фэйтелин. Если хочешь жить, учись быть шустрой.

Мы, опережая остальных, первыми подошли к огромной, как гора, женщине. Та, подбоченясь, стояла у входа в двухэтажное здание, возвышаясь над всеми, как скала. Её широкое одутловатое лицо было суровым, а маленькие, глубоко посаженные глазки с подозрением косились на прибывших. Из-под платка выбивались редкие жирные пряди седых волос.

Одета она была в грубый простёганный халат, кое-где прожжённый, но насквозь пропитанный запахом мыла и свежего белья.

— Эта с тобой? — кивнув на меня, спросила «гора».

— Со мной, — жизнерадостно отозвалась Эвелин, ничуть не робея перед грозной фигурой. — Сильная, работать будет. Фэйтелин зовут. С ней точно всё успеем!

Бабица окинула меня цепким взглядом, задержавшись на моих волосах и глазах цвета коньяка, которые, в отличие от скул и губ, пока еще не успели потускнеть от здешнего быта. В её глазах мелькнула какая-то искорка то ли одобрения, то ли насмешки. Потом она хмыкнула, словно приняв решение.

— Будет тебе сильная. Идите за мной, — грузно развернувшись, она двинулась вперед, а Эвелин, довольно ухмыльнувшись, потащила меня следом.

Мы миновали ещё одни ворота, железные, кованые, и оказались совсем в другом мире. Здесь было тепло. Влажное, удушающее, но невероятно блаженно тепло. Ощущение было таким сильным, что я на секунду забыла обо всём на свете. Я вдыхала этот пар, запах мыла и кипятка, и мне казалось, что я дышу впервые за долгое время.

Кашель прекратился, уступив место блаженному расслаблению. Огромное помещение, в которое нас привели, было заполнено клубами пара. Сквозь него проступали очертания чего-то гигантского, блестящего, грохочущего. Это оказалась прачечная. По всему помещению стояли огромные медные котлы с бурлящей водой. Клубы пара вились, застилая все вокруг молочной пеленой. Воздух был тяжёлым, влажным, обжигающим, но для моего продрогшего тела и сухого, сорванного кашлем горла, это было истинным спасением. Я чувствовала, как тепло просачивается в каждую клеточку, разгоняет оцепенение, возвращает чувствительность замерзшим пальцам.

Воротник моего платья тут же намок и прилип к коже, и я с наслаждением провела рукой по мокрой щеке. Это было несравнимо лучше, чем пронизывающий холод подземелья. Повсюду были разбросаны ворохи одежды. Горы белья: черного, белого, цветного — громоздились на деревянных столах, на полу, в огромных плетёных корзинах.

Часть одежды, как я поняла, была тюремной – грубые серые робы, которые носили заключённые. Но большая часть – это были аккуратно сложенные, а порой и развешанные на веревках, явно не тюремные рубашки, платья, сюртуки, мужские брюки, женские чепцы, детские платица.

Качество ткани говорило о том, что это вещи не простых горожан. Дорогие шелка, тонкие батисты, добротная шерсть. Так вот чем зарабатывают здесь деньги!

Женщины, такие же серые и изможденные, как и я, но с привычными движениями сновали между столами и котлами, не обращая внимания на пар и шум. Они работали сосредоточенно, быстро сортируя белье, замачивая его в чанах с кипятком, натирая грубым мылом. Их руки, красные и опухшие от постоянного контакта с горячей водой и щелочью, двигались с удивительной ловкостью.

Эвелин, кряхтя, но с видимым удовольствием принялась за работу, кинув мне кивок в сторону стола с белыми рубашками.

— Не стой столбом, Фэйтилин. Начинай. Сортируй белое. Смотри по швам. Грязные — в чан. Если вши — кидай в кипяток.

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки, и неуклюже принялась за работу, стараясь подражать движениям своей подказчицы. Рубашки были влажными, тяжёлыми, от них исходил противный запах пота и застарелой грязи. Но даже это было лучше, чем сидеть в ледяном каменном мешке.

Пока мы работали, я тихонько расспрашивала Эвелин.

— А что остальные делают?

В ответ на мой вопрос Эвелин вздохнула, выпрямилась, разминая поясницу. В её глазах, несмотря на всю усталость, промелькнула некоторая гордость.

— Здесь, Фэйтилин, тюрьма наша хорошо зарабатывает. Много ремёсел налажено. На кожевенной фабрике работают. Дубильни там, выделка. Вонючка жуткая, конечно, и работа адская. Но деньги для тюрьмы приносит. Женщины тоже работают: кто ткачихами, кто кружева плетёт. Что умеют, то и делают, если есть руки. А мы, прачки, так это просто рай по сравнению с той каторгой. Здесь хоть тепло. И чище вон.

Она кивнула на ворох тонких батистовых простыней, которые кто-то из женщин аккуратно развешивал на веревках. От них пахло свежестью и солнечным ветром, который никак не мог проникнуть в эти подземелья. Я представила себе Фредерика на кожевенной фабрике. Он такой утончённый, с этими своими тонкими пальцами, которые умеют чувствовать малейшее колебание часового механизма... И ужаснулась.

— Эвелин, а можно... можно как-то с мужем встретиться?

Она покачала головой, отчего её взлохмаченные брови смешно поползли вверх, а потом снова опустились.

— Никак. Строго здесь, Фэйтилин. Разделение жёсткое. Мужские казармы отдельные. Фабрика отдельно. Если бы там работала, то шансов было бы больше, но там холод собачий и работа каторжная. Только разве что письмо можно отправить, — она прищурилась, в её глазах мелькнула та самая злая искорка, которую я заметила утром. — Только смотри, что писать будешь. Ни слова, что хорошо устроилась. Что легко тебе. Что живешь припеваючи. Свои же могут навредить. Зависть здесь, Фэйтилин, страшнее голода. Скажи, что жива, да и то едва-едва. А лучше вообще не пиши никаких подробностей. Просто что помнишь. Что ждёшь.

Я кивнула, понимая её. Зависть — это действительно страшное оружие в таких местах. Но мысль о том, что я могу отправить Фредерику весточку, пусть и скупую, наполнила меня каким-то странным, пока ещё слабым лучом надежды.

Сквозь негустой белёсый пар, как призраки двигались женщины. Их силуэты расплывались и снова обретали резкость, напоминая ожившие тени. Но эйфория от тепла длилась недолго.

Грубая рука гигантской надзирательницы, которую Эвелин назвала Зазой, ткнула меня в спину, указывая на грудь грязного белья.

— Работать, новенькая. Пока руки не отвалятся.

Рядом стояли огромные деревянные кадки, наполненные горячей водой и едким вонючим мылом. Оно, видимо, было настолько крепким, что разъедало не только грязь, но и кожу. Мне показали, как нужно тереть, изо всех сил впиваясь ногтями в ткань, сминая ее, выжимая до хруста. Работа началась.

Ворохи белья, казалось, были бесконечны. Сначала мне давали грубые холщовые мешки, форму охранников, жёсткую, пропитанную потом, грязью и запахом дешевого табака. Мои пальцы превратились в беспощадные скребки. Я тёрла и тёрла, и тёрла, пока вода в кадке не становилась бурой жижей. Потом выжимала, скручивая ткань, ощущая, как напрягаются все мышцы рук, спины, даже шеи.

Казалось, что я не просто стираю, а пытаюсь выдавить из себя самую жизнь. Пар щипал глаза, забирался в легкие, но я продолжала вдыхать его, радуясь теплу. Постепенно я начала двигаться в ритме других женщин: мерное скрипение щеток по белью, плеск воды, тяжелые вздохи.

Когда на улице начинали сгущаться сумерки, а свет в прачечной окончательно померк, сменившись масляными лампами, я едва стояла на ногах. Спина ныла тупой болью, плечи горели, но хуже всего было рукам. Они были словно чужие: распухшие, багровые, с морщинистой кожей. Пальцы не сгибались до конца, каждый сгиб отзывался пронзительной болью. Я чувствовала, как ногти, разъеденные щёлоком, стали мягкими, как жжёт кожу, как пульсируют вены.

С каждым выжатым платком, с каждым натёртым пятном я всё больше отдалялась от Веры, от своей прежней жизни. И всё глубже погружалась в эту новую грубую реальность Фэй-телин.

Эвелин, заметив мой взгляд на руках, тихонько хмыкнула, словно прочитав мои мысли.

— Привыкнешь. Все привыкают. Завтра будет легче. Ну или просто ты будешь сильнее.

Глава 12

Обратная дорога в камеру стёрлась из памяти, как неудачный карандашный набросок. Ноги переставлялись сами собой, повинуюсь стадному инстинкту, туда, где можно упасть. Мы вернулись в наш каменный мешок, когда в узких окнах под потолком коридора уже стояла непроглядная чернильная тьма. Ужин принесли не сразу.

Эти полчаса ожидания стали пыткой. Я сидела, привалившись к шершавой стене, и боролась с дурнотой. Глаза слипались, тело ныло так, словно меня пропустили через те самые валы для отжима белья. Но голод не давал провалиться в спасительное забытие. Именно в этой тишине, нарушаемой лишь тяжёлым дыханием сокамерниц, я услышала его. Звук. В конце коридора хлопнула тяжелая общая дверь, отделяющая наше крыло от лестницы. А затем лязг. Щёлк-щёлк-скрежет.

Я открыла глаза. Мой слух, натренированный годами работы с капризными механизмами старинных часов и секретеров, вычленил эту мелодию из общего шума тюрьмы. Замки говорят, если уметь их слушать. Этот замок был старым, разболтанным. Я ясно услышала, как язычок засова неохотно входит в паз, как лениво падают сувальды: тяжелые, грубые, вероятно, давно не смазанные.

— Чего уставилась? — буркнула Эвелин, устраиваясь на соломе.

— Замок, — прошептала я скорее самой себе. — Там, на выходе.

— И что? Заперто, милая. Крепко заперто.

— Нет, — я покачала головой, вслушиваясь в удаляющиеся шаги охранника. — Не крепко. Там всего два оборота, и пружина на второй сувальде ослабла. Я слышала, как она не щёлкнула, а просто упала.

Эвелин посмотрела на меня как на умалишённую, но с оттенком жалости.

— Тебе снится прошлая жизнь. Здесь замки не открываются.

Я не стала спорить. Когда принесли баланду, я проглотила её, почти не чувствуя вкуса, и рухнула в сон. Мысли о механизме растворились в усталости, но где-то на подкорке, в глубине сознания реставратора осталась засечка: этот механизм неисправен. Его можно обойти.

Утро началось с привычного кошмара: подъем, холод, давка в коридоре, марш в прачечную. Руки, едва успевшие немного унять дрожь за ночь, снова погрузились в горячую мыльную воду. Кожа на пальцах побелела и сморщилась, трещины, которые я вчера старательно смазывала жиром, оставшимся на дне миски, снова начали саднить. Но сегодня у меня была цель. Груды грязного белья росли, как снежные сугробы. Пар стоял такой густой, что в трёх шагах не было видно лица соседки.

Я толкнула Эвелин локтем, пока надсмотрщица отвернулась, орать на какую-то несчастную, уронившую мыло.

— Эвелин, — прошипела я, не переставая тереть чью-то грязную рубаху. — Как мне передать весточку? Ты говорила про Марию.

Эвелин, не сбиваясь с ритма, кивнула в сторону выхода, где большие плетеные корзины ждали отправки в сушильню.

— Вон та, сутулая, в сером платке. Она скоро подойдет забирать мокрое. Смотри, не ляпни лишнего. Только имя и приметы.

Я ждала. Сердце колотилось в горле, мешая дышать. Казалось, что прошла вечность, прежде чем женщина с пустой корзиной приблизилась к моему корыту. Мария выглядела ужасно. Даже по меркам этого места. Её лицо было словно присыпанным пеплом, под глазами залегли глубокие черные тени, а губы потрескались до крови. Она подняла корзину с таким

трудом, что я услышала, как хрустнули её суставы. Я сделала вид, что помогаю ей уложить мокрые простыни, и наклонилась к самому уху.

— Мария, — шепнула я, стараясь, чтобы губы едва шевелились. — Прощу тебя. Фредерик. Фредерик Вальц. Высокий, худой, волосы светлые, вечно растрепаны. У него... у него глаза добрые, но растерянные. Передай ему... передай, что Фэйтилин жива. Что я держусь. Я выздоравливаю. Скажи ему, чтобы не сдавался.

Мария не посмотрела на меня. Она лишь на секунду замерла, руки крепче сжали край корзины.

— Поняла, — её голос был похож на шелест сухих листьев. — Вальц. Светлый. Передам, — она подхватила корзину и, шаркая, побрела прочь.

Я смотрела ей вслед, чувствуя, как внутри разливается горячая волна надежды. Он узнает. Он поймет, что я не бросила его. Может, хоть немного воспрянет духом. А ещё, может, поверит, что мы выберемся.

Ответа пришлось ждать три бесконечно долгих дня. Три дня пара, мыльной пены, стёртых в кровь пальцев и ночных кошмаров. Я работала как автомат, отключая сознание, чтобы не чувствовать боли в спине. Я научилась воровать лишние куски мыла, чтобы стирать свои вещи, научилась дремать стоя в те редкие минуты, когда надсмотрщица уходила. Как и все здесь!

На третий день Мария снова появилась возле моего корыта. Она выглядела еще хуже, если это было возможно. Её руки дрожали, когда она принимала у меня тяжелый ворох мокрых портянок.

— Ну что? — я чуть не выронила белье. — Ты видела его? Видела того, кто знает?

Мария медленно кивнула, не поднимая глаз. Она продолжала укладывать вещи, будто ничего не происходило.

— Видела, — прошелестела она. — Твой Фредерик... Он передал, что держится. Сказал, что рад за тебя. Что ты не больна — это главное.

Я выдохнула, чувствуя, как слёзы облегчения наворачиваются на глаза.

— Слава богу...

— Он просил передать, — продолжила Мария монотонно, — чтобы ты потерпела. Пару месяцев. Сказал, всего пару месяцев, и он что-нибудь придумает.

Радость захлестнула меня. Пару месяцев! Значит, он не теряет надежды, значит, он не слабак! Мы справимся. Я сильная, я научусь выживать здесь. Я уже не та умирающая Фэйтилин, которую он нашёл на улице.

— Спасибо, Мария, спасибо тебе...

— Он врёт, — вдруг резко, жестко произнесла Мария. Я замерла. Улыбка сползла с моего лица, словно её стёрли грязной тряпкой.

— Что?

Мария, наконец, подняла на меня глаза. В них не было жалости, только тупая свинцовая усталость и знание, которое страшнее любой смерти.

— Он врёт тебе, девочка. Про «пару месяцев». Не будет у него пары месяцев.

— О чём ты? — холодок пробежал по спине, несмотря на жару прачечной.

— Его переводят, — Мария сплюнула на пол, прямо под ноги. — В травильню. Это слово упало между нами, как тяжёлый камень. Я не знала, что это такое, но само звучание этого слова заставило внутренности сжаться.

— Травильня... Что это?

Мария скривилась, её лицо передернуло от отвращения.

— Место, где шкуры замачивают. Для особых заказчиков, чтоб кожа была мягкой, как шёлк. Там чаны с раствором... Ядовитым. Едким, — она наклонилась ближе, и я почувствовала запах гнили от её одежды. Видимо, женщина серьезно болела. — Сначала там начинают слезиться глаза. Просто слезы, ничего такого. Потом они краснеют, как у кроликов. Через неделю

человек слепнет. Кто на один глаз, а кто и полностью. А ещё через неделю начинает болеть грудь. Кашель такой, будто стекло жуешь. И кровь. Они харкают кровью, кусками лёгких.

Я стояла, вцепившись в край деревянного корыта, и чувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Нет... — прошептала я. — Нет, этого не может быть. Фредерик...

— Оттуда не возвращаются, — безжалостно припечатала Мария. — Никто. Никаких лекарств нет. Это медленная смерть. Месяц, максимум два. Вот почему он сказал тебе ждать пару месяцев. Чтобы ты не знала, когда он сдохнет.

Она подхватила свою корзину и пошла прочь, оставив меня стоять посреди клубов пара, оглушённую, раздавленную. Фредерик. Этот добрый, сильный, но совершенно неприспособленный, неудачливый Фредерик. Он знал. Он знал, что идёт на смерть, и пытался защитить меня напоследок. «Потерпи пару месяцев». Это было прощание.

Злость, горячая и яростная, вспыхнула во мне, выжигая страх и отчаяние. Нет. Я не позволю. Я не для того получила второй шанс в этом чёртовом мире, чтобы смотреть, как единственный близкий мне человек гниёт заживо ради чьих-то мягких перчаток. Я чиню сломанное. Но если систему нельзя починить, её нужно сломать.

Время до вечера тянулось бесконечно. Я работала с остервенением, которого раньше в себе не знала. Мои руки больше не чувствовали боли, в голове было пусто и звонко. Единственная мысль билась там, как пойманная птица: надо выбираться.

Когда нас повели обратно, я снова услышала этот звук. Щёлк-щёлк-скрежет. Тот самый замок на двери в коридор. Теперь я слушала его иначе. Не как любопытную деталь, а как врага, у которого есть слабое место. Запорный механизм был примитивным. Я перебирала в памяти все замки, которые мне доводилось вскрывать в мастерской, когда терялись ключи от старинных шкапулок. Принцип всегда один: поднять сувальды, освободить ход для ригеля. Для этого не нужен ключ. Нужен рычаг. Тонкий, прочный рычаг.

На следующее утро, когда мы сортировали белье перед стиркой, я заметила его. На грубом дощатом столе в углу, где обычно сидели женщины, занимающиеся починкой одежды, лежал нож. Это было жалкое подобие инструмента: старый, с обломанным режущим краем, лезвие настолько тупое, что им нельзя было разрезать даже масло. Девушки использовали его, чтобы выскрести гнид и вшей из швов старой одежды, которую приносили на перешивку. Отвратительный грязный предмет. Но металл... Я присмотрелась. Металл был неплохим. Достаточно жёстким, чтобы не погнуться, и достаточно тонким, чтобы войти в скважину. Сердце забило где-то в горле.

Вокруг сновали люди. Заза орала на кого-то в другом конце зала. Эвелин была занята тем, что выкручивала тяжёлую простыню. Я медленно, словно во сне, подошла к столу. Взяла какую-то рваную рубаху, делая вид, что осматриваю её. Моя рука скользнула по столешнице. Пальцы нащупали холодную липкую рукоять. Одно движение. Нож исчез в рукаве моего платья. Я почувствовала его холодное прикосновение к коже предплечья и едва сдержала дрожь.

— Ты чего там застыла? — рявкнула проходящая мимо надзирательница.

— Ничего, — мой голос был спокойным, пугающе спокойным. — Просто проверяю, можно ли это зашить.

— В печь её, тряпку эту! — махнула она рукой и прошла дальше. Я выдохнула.

Самое сложное было впереди. Пронести это в камеру. Весь день я чувствовала этот нож, как раскалённый уголёк. Когда нас повели на обед, я улучила момент в тёмном переходе и перепрятала его. Я сунула плоское лезвие за резинку чулка с внутренней стороны бедра. Грубая сталь царапала кожу, рукоятка упиралась при ходьбе, но я лишь крепче сжимала зубы. Вечером, когда мы возвращались в камеру, я шла, стараясь не хромать. Каждый шаг отдавался болью, но эта боль была мне необходима. Она напоминала о том, что у меня есть шанс.

Дверь камеры закрыли на один оборот...

А дальше... шаги охранника по коридору и... Щёлк-щёлк-скрежет. Это охранник запер дверь в общий коридор. Я стояла, прижавшись лбом к холодной двери нашей камеры. Затем медленно опустилась на солому с улыбкой.

— Ты чего такая? — спросила Эвелин, разглядывая меня в полутьме. — С ума не сходи, даже если новости плохие!

— Нет, — тихо ответила я, нащупывая сквозь юбку твёрдый контур ножа на ноге. — Новости... нормальные...

Я закрыла глаза. Передо мной стояла картина: Фредерик в парах ядовитой кислоты, слепнувший, кашляющий кровью. Пару месяцев, говоришь? Ну уж нет. Я вытащу нас отсюда. Или умру, пытаясь. Но я больше не буду просто ждать, пока жизнь решит сломать меня окончательно. Я больше не Вера. Я Фэйтелин. И я почию эту сломанную реальность, даже если мне придётся разобрать эту тюрьму по кирпичику.

Глава 13

Вечерний приём пищи прошёл иначе. Голод, этот вечный ноющий спутник, больше не вызывал паники. Он стал привычным фоном, как боль в суставах или запах сырости. Я поднесла миску к губам и сделала первый глоток. Горячая жижа пахла прогорклым жиром и переваренной до состояния слизи капустой. Но теперь этот запах казался мне почти сладким. Это был запах жизни. Я заставила себя есть медленно, смакуя каждый глоток, чувствуя, как тепло разливается по пищеводу, успокаивая спазмы пустого желудка. Торопиться было нельзя.

Женщины вокруг ели так же жадно, сосредоточенно, забыв о разговорах. Лишь стук зубов о края мисок да редкое хлюпанье нарушали тишину подземелья. Эвелин, сидевшая рядом, вылизала свою миску дочиста и вернулась в камеру. Тут же она откинулась на солому, мгновенно проваливаясь в тяжёлый храпящий сон. Постепенно камера затихала.

Шорохи, стоны, бормотание во сне — все это сливалось в единый гул, к которому я уже привыкла. Я сидела, прислонившись спиной к влажной стене, и ждала. Ждала, пока дыхание соседок станет ровным, пока погаснет последний огарок свечи в коридоре, который надзиратель иногда оставлял, забывая забрать. Мои пальцы коснулись чулка. Холодный металл ножа был на месте. Он грел мне душу лучше, чем любая шаль.

Когда тишина стала осязаемой, я медленно поднялась. Солома предательски зашуршала, и я замерла, задержав дыхание. Кто-то в углу громко всхрипнул и перевернулся на другой бок. Я выждала ещё минуту. Сердце колотилось в горле гулкими ударами, отдаваясь шумом в ушах. «Спокойно, Фэйт, — сказала я себе. — Ты сотни раз вскрывала механизмы сложнее этого. Это просто старая железка.»

Если кто-то проснётся, я скажу, что иду к ведру. Естественная нужда — единственное право, которое у нас тут не отняли. Я скользнула к двери камеры. В темноте мои руки видели лучше глаз. Пальцы нащупали замочную скважину. Она была огромной, грубой. Замок здесь был примитивным, однорычажным, предназначенным не для того, чтобы держать гениев взлома, а чтобы удерживать истощённых женщин. Я достала нож. Его лезвие было тупым, сточенным, но самый кончик остался достаточно тонким.

Я вставила его в скважину. Металл звякнул о металл. Тихий, едва слышный звук, который в ночной тишине показался мне грохотом пушки. Я снова замерла, вслушиваясь в темноту. Никто не шелохнулся. Осторожно, миллиметр за миллиметром я начала нащупывать язычок. Вот он. Пружина была жесткой, заржавевшей, но она поддалась. Я нажала чуть сильнее, используя нож как рычаг. Щёлк.

Дверь, к счастью, была смазана салом, видимо, чтобы не скрипела и не будила надзирателей лишний раз. Она подалась наружу мягко, беззвучно. Я вышла в коридор. Здесь было абсолютно темно. Ни единого луча света. Но мне он был и не нужен. Я помнила количество шагов. Десять, пятнадцать... Я шла, вытянув руку вперёд, пока пальцы не коснулись холодных прутьев общей решётки.

Вот он. Тот самый замок, который я слышала днём. Навесной. Тяжёлый, амбарный. Я ощупала его дужку. Холодная, шершавая от ржавчины. Скважина была снизу. Нож вошел внутрь с трудом. Здесь механизм был сложнее. Сувальды сопротивлялись, не желая подниматься. Я закрыла глаза, полностью сосредоточившись на тактильных ощущениях. Я представила себе устройство замка: вот штифт, вот пружина, вот стопор. «Ну же, милый, — мысленно уговаривала я этого грубого монстра, как когда-то уговаривала капризные механизмы часов Буре. — Не упрямясь.»

Первый щелчок. Есть. Нож скользнул глубже. Нужно было поддеть вторую пластину. Рука дрогнула от напряжения, нож соскочил. Я едва не выронила его, но успела перехватить.

Глубокий вдох. Выдох. Снова. На этот раз я действовала жёстче. Я чувствовала, как металл ножа гнётся, готовый сломаться, но и замок сдавал позиции. Ржавчина крошилась внутри. Щёлк.

Дужка дернулась в моих пальцах и отскочила. Я едва сдержала победный вздох. Осторожно сняла замок, чтобы он не звякнул о решётку, и положила его на пол. Путь к винтовой лестнице был свободен. Подниматься было страшно. Каждая ступенька казалась миной, готовой взорваться скрипом под ногой. Я шла на цыпочках, прижимаясь к стене. Сверху тянуло холодом. Свежим морозным ночным воздухом. Этот запах свободы кружил голову сильнее вина. Я добралась до верхней площадки и замерла в изумлении. Тяжёлая, обитая железом дверь, ведущая во двор, была распахнута настежь. Просто открыта. Крюк болтался сбоку.

— Идиоты, — прошипела я одними губами. — Ленивые, самодовольные идиоты. Они даже не запирали нас на ночь. Зачем? Мы же скот. Мы живём в «жаре», в спёртом воздухе под земелья. А они, видимо, проветривают коридоры, чтобы не дышать нашей вонью, когда спускаются утром. Вот откуда этот ледяной сквозняк в камерах. Мы греем улицу своими телами.

Злость, горячая и колючая, поднялась в груди, вытесняя страх. Я осторожно выглянула во двор. Грязно, серо, уныло. Пусто. Факелы у ворот чадили, бросая пляшущие тени на мокрую брусчатку. В будке у ворот никого не было видно, но я знала, что охрана где-то есть. Тюрма спала, погружённая в ту вязкую глухую тишину, которая бывает только около полуночи. Я втянула носом воздух, пытаясь уловить запахи табака или дешёвого вина — верные признаки стражи. Ничего. Только сырость и дым.

«Нужно узнать график, — подумала я. — Сейчас, наверное, полночь. Самое глухое время. Но перед рассветом, часа в четыре, сон самый сладкий. Именно тогда бдительность падает до нуля.»

Я не стала выходить во двор. Это было бы самоубийством сейчас: без плана, без понимания, где именно стоят посты. Я увидела то, что хотела: путь свободен. Механизм этой тюрьмы был таким же дырявым и прогнившим, как и вся эта система. И у меня есть ключ. Точнее, нож. Я отступила назад, в темноту лестницы. Спускаться было легче. Я вернула замок на место, защелкнув дужку. Это потребовало усилий: пришлось надавить обеими руками, чтобы ржавый механизм сработал. Подойдя к общей двери в коридор, я остановилась. Из проёма тянуло могильным холодом. Там, внизу, спали десятки женщин. Спали в своих лохмотьях, прижимаясь друг к другу, кашляя от сырости. Я взялась за тяжелую ручку двери, ведущей во двор, ту самую, что была распахнута настежь. Она подалась с трудом, петли явно требовали смазки, но я тянула медленно, чтобы не скрипеть. Дверь закрылась плотно, отсекая ледяной поток воздуха. Я накинула крюк.

— Хоть эта ночь кому-то станет чуточку теплее, — прошептала я. Вернувшись в камеру, я закрыла наш хлипкий замок и на ощупь пробралась к своему месту. Улеглась на солому, спрятав нож обратно в чулок. Сердце всё ещё колотилось, но теперь это был ритм решимости, а не паники. Я закрыла глаза, представляя лицо Фредерика.

«Держись», — мысленно послала я ему. С этой мыслью я провалилась в сон, впервые за всё время — глубокий и без сновидений.

Следующие два дня тянулись мучительно медленно. Я жила в режиме ожидания, как заведённая пружина, готовая распрямиться. Днём я стирала до кровавых мозолей, стараясь не привлекать внимания, но мои глаза и уши работали постоянно. Я запоминала.

— Эй, новенькая, чего застыла? — окрик охранницы, которую я про себя прозвала Завхозом, вырвал меня из раздумий. — Вода остыла, меняй!

Я покорно схватилась за тяжелое ведро. Это тоже было частью плана. Таскать воду — значит выходить во двор чаще других.

— Простите, мэм, — пролепетала я, изображая покорность. — Сейчас все сделаю. Выходя к колодцу, я каждый раз сканировала двор.

Я считала шаги от прачечной до ворот. Я наблюдала за сменой караула. Я заметила, что толстый охранник с рыжими усами, дежуривший у ворот днём, сменяется худощавым парнем ближе к вечеру. А ночью... Ночью, судя по всему, они действительно халтурили. Но главное открытие ждало меня на третий день. Мы как раз заканчивали смену. Руки гудели, спина не разгибалась. Эвелин, кряхтя, выжимала последнюю простыню. Вдруг со стороны мужского корпуса, того самого, куда увели Фредерика, послышался шум. Громкие голоса, бряцание металла, грубый смех.

— Что там? — спросила я, вытирая мокрую щёку плечом. Эвелин бросила быстрый взгляд в окно, затянутое мутной паутиной.

— Партию готовят, — буркнула она, и в её голосе прозвучал страх. — В травильню повезут. Сейчас их всех выведут, осмотрят и тех, кто здоров, заберут. Травильня за воротами, по сути, это отдельная тюрьма, а не фабрика.

У меня внутри все оборвалось. Травильня. То самое место, откуда не возвращаются. Место, где люди слепнут и харкают кровью.

— Когда? — спросила я, хватая Эвелин за руку. Мокрые пальцы скользнули по её запястью.

— Да кто ж их знает... Может, завтра на рассвете. А может, сегодня ночью. Обычно по ночам вывозят, чтоб утром к работе приступили. Телега подъезжает с чёрным верхом...

Сегодня ночью. Мир вокруг меня сузился до одной точки. До этой фразы. «Сегодня ночью». Значит, времени на подготовку больше нет. Никакой недели на изучение графиков. Никаких осторожных планов. Если я не вытащу его сегодня, я не вытащу его никогда. Я посмотрела на свои руки. Красные, распухшие, с обломанными ногтями. Теперь эти руки должны были совершить невозможное.

Глава 14

Вечер тянулся бесконечно. Когда нас, наконец, загнали в камеры, я едва сдерживала дрожь. Но не от холода. От адреналина.

— Ты чего дёрганая такая? — спросила Эвелин, подозрительно косясь на меня. — Заболела?

— Нет, — я постаралась улыбнуться, но вышло, наверное, жутковато. — Просто... предчувствие плохое.

— Спи давай. Утро вечера мудренее.

«Утра не будет, Эвелин. Для меня здесь утра больше не будет.». Я снова дождалась полуночи. На этот раз ожидать было физически больно. Каждая секунда казалась часом. Я слушала дыхание тюрьмы, и мне казалось, что я слышу, как скрипят колёса той самой чёрной телеги, которая едет за моим мужем.

Как только все затихли, я привычным движением достала нож. Замок камеры. Щёлк. Открыто. Коридор. Темнота. Замок решетки. Щёлк. Открыто. Я поднялась по лестнице, молясь всем богам, в которых верила Фэйтелин, и всем законам физики, в которые верила Вера, чтобы дверь во двор снова была не заперта. Толкнула ее. Она поддалась. Им плевать.

Вышла во двор. Холодный воздух ударил в лицо. Прижалась к стене здания, сливаясь с тенью. Двор был пуст, но теперь я знала, куда смотреть. В дальнем конце, у ворот, в караулке горел свет. Там сидели двое. Я видела их силуэты через грязное стекло. Они играли в карты. Мужской корпус был напротив. Кирпичное здание: тёмное, зловещее. Окна первого этажа были забраны решетками, но они хотя бы были не то, что в нашем подвале.

Мария сказала, что он на первом этаже. Но здание такое большое и окна на обе стороны. Если мне повезет, можно считать, что Бог не просто не оставил меня, а держит мою руку, сам ведёт меня!

Мне нужно было пересечь двор. Пройти метров пятьдесят по открытому пространству, освещённому луной и факелами. Я огляделась в поисках хоть какого-то укрытия. Телеги. Рядом с прачечной стояли телеги с бельем, которые не успели разгрузить или увезти. Перебежками от тени к тени я сделала первый рывок. Мягкая подошва стоптанных туфель, которые я нашла в груди белья, попавшие туда, видимо, по чьей-то ошибке, не издавала шума. Я упала за колесо первой телеги. Сердце колотилось так, что казалось, оно сейчас сломает ребра. В караулке кто-то рассмеялся. Громко, пьяно.

«Отлично. Смейтесь. Пейте. Не смотрите в окно.». Второй рывок. Я оказалась у стены мужского корпуса. Теперь самое сложное. Где он?

Окна были высоко. Я не могла заглянуть внутрь. Но я знала, что подвалов там нет. Значит, камеры на первом этаже. Я пошла вдоль стены, прислушиваясь. Из одного окна доносился храп. Из другого – тихий плач. Дальше бормотание и смешки. Из четвёртого:

— Фредерик, держись. Там тоже можно выжить. Главное – беречь глаза! — голос был мужским, хриплым, но имя... Они произнесли его имя! Я замерла под этим окном.

Решетка была высоко, мне не дотянуться. Я огляделась. Рядом валялся какой-то ящик. Я осторожно подтащила его к стене, стараясь не шуметь. Встала на него. Теперь мой подбородок был на уровне подоконника. Темнота внутри была густой, но лунный свет падал под углом, выхватывая кусок пола. Я увидела ноги. Много ног в грязных ботинках. Люди лежали вповалку.

— Фредерик... — позвала я шепотом. — Фредерик...

Тишина. Потом шорох.

— Кто здесь? — голос был слабым, но я узнала его. Это был он.

— Это я. Фэйт.

В темноте камеры произошло движение. К самому низу решетки приблизилось лицо. Бледное, осунувшееся, заросшее щетиной. Глаза ввалились, но в них горел лихорадочный блеск.

— Фэйт? — он выдохнул это имя так, словно не верил своим глазам. — Боже... Ты умерла? Я тоже умер?

— Нет, глупый. Мы живы. Слушай меня внимательно, — я оглянулась на караулку. Свет всё ещё горел, смех продолжался. — Тебя хотят увезти в травильню. Сегодня ночью. Он вцепился руками в прутья решетки.

— Я знаю. Нас предупредили. Фэйт, уходи. Если тебя найдут здесь...

— Замолчи. Я тебя вытащу, — я осмотрела решетку. Она была вмурована в камень. Старая, кованая. Ножом тут не справишься. Здесь нужен лом. Или... Мой взгляд упал на крепления решетки. Штыри, уходящие в кладку. Известь вокруг одного из них выкрошилась. Камень пошел трещиной.

«Реставратор видит не только красоту, но и разрушение.» — вспомнила я слова своего мужа. Ладно, хоть здесь пригодились.

— Фредерик, — быстро зашептала я. — У тебя есть что-то твёрдое? Ложка? Пряжка от ремня?

— Пряжка... есть.

— Ковыряй. Вот здесь, справа снизу. Известь рыхлая. Ковыряй изо всех сил. Я буду с этой стороны. Я достала свой верный нож. Он был слишком тонким для такой работы, но выбора не было. Я вогнула лезвие в щель между кирпичами. Крошка посыпалась мне на лицо.

— Фэйт, это безумие... — прошептал он, но я слышала, как он начал скрести металлом о камень с той стороны.

— Безумие — это сгнить в травильне. Работаем.

Мы скребли камень в четыре руки, разделённые железными прутьями. Время утекало. Луна ползла по небу предательски быстро. Мои пальцы были содраны в кровь. Нож затупился окончательно, превратившись просто в кусок железа.

Я услышала, что Фредерик работает изнутри не один. Мужчины помогали ему, кто чем мог. Мне не нужны были подельники при побеге, но сейчас, когда помощь нужна была в любом её проявлении, я не думала об этом.

Вдруг во дворе послышался грохот. Скрип тяжелых ворот. Стук копыт по брусчатке. Я замерла, прижавшись к стене. Телега. Огромная, черная, запряжённая двумя тяжеловозами, она въезжала во двор. Телега смерти.

— Они приехали, — голос Фредерика дрогнул. — Фэйт, беги. Пожалуйста, беги.

Я посмотрела на штырь. Мы расковыряли достаточно глубоко, он шатался, но всё ещё держался. Нужно было время. Ещё хотя бы десять минут. А их не было. Телега остановилась посреди двора. Из караулки вывалились охранники, застёгивая мундиры на ходу.

— Выводите скот! — рявкнул кто-то с телеги. — У нас там мертвяков еще и больных полон двор. Этих привезём, а тех нужно вывезти. Пошустрее!

Дверь в мужской корпус, находящаяся с другой стороны здания, загремела. Я поняла, что у меня есть только один шанс. Безумный, самоубийственный шанс, который я рассматривала как крайний. Хорошо, что смотрела кино. Хоть иногда, совсем редко, но смотрела!

— Жди, — бросила я Фредерику и прыгнула с ящика.

Я не побежала в тень. Я побежала к прачечной. Туда, где мною за пару ночей была припрятана женская и мужская одежда и были даже пальто! Только обуви не было. Вечером воду из чанов не сливали, так как печи ещё могли хранить жар. А рядом с печами всегда лежат дрова. И я знаю, где хранится масло. Ламповое масло для розжига.

Я ворвалась в прачечную. Темно, хоть глаз выколи. Но я знала дорогу. На ощупь нашла полку. Бутыль с маслом. Тряпки. «Простите, девочки, — подумала я, — стирки завтра не будет.»

Схватила охапку сухого белья, которое ждало глажки. Бросила его в кучу посреди комнаты. Облила маслом. Чиркнула огнём, которое стащила с полки ещё вчера, просто "на всякий случай". Искра. Вспышка. Ткань, пропитанная маслом, вспыхнула мгновенно. Огонь жадно лизнул сухую ткань, потянулся к другим кучкам белья, скользнул по маслу, вылитому мною на пол, и жадно ринулся к сухим деревянным перекрытиям.

Дым повалил густой, едкий. Я схватила туго перетянутый узел с одеждой, выскочила обратно во двор и закричала. Закричала так, как никогда в жизни не кричала. Истошно, страшно: — ПОЖАР! ГОРИМ! ПРАЧЕЧНАЯ ГОРИТ!

И, не дожидаясь реакции, рванула обратно в тень за телегами к окну Фредерика. Двор взорвался хаосом. Охранники, которые уже шли к дверям корпуса, замерли. Из окон прачечной повалил чёрный дым, видный даже в ночи.

— Воды! Тащите воду! — заорал начальник караула. — Сгорит всё к чертям!

Они побежали. Все, даже стражники, приехавшие за новой партией заключенных, побежали к прачечной. Телега с лошадьми шарахнулась в сторону. Я подскочила к окну.

— Фредерик! Навались! Плечом навались! Сейчас! Я схватила шатающийся штырь обеими руками, уперлась ногами в стену. — Давайте!!! Изнутри раздался рык и удар. Тело Фредерика, видимо, поддерживаемое кем-то снизу, врезалось в решетку. Штырь хрустнул. Камень поддался. Нижний угол решетки вывалился наружу вместе с куском кладки. Образовалась щель. Узкая, треугольная.

— Лезь! — скомандовала я.

— Я не пролезу...

— Лезь, чёрт тебя дери! Ты тощий, как скелет! Головой вперёд!

Он полез. Я тянула его за плечи, за одежду. Ткань трещала, металл сдирал кожу, но он прошёл. Сначала плечи, потом туловище. Он вывалился мне на руки: тяжёлый, источающий зловоние, но живой. Мы упали в грязь. Вокруг бушевал пожар. Пламя уже вырывалось из окон прачечной, освещая двор адским оранжевым светом. Охранники носились с ведрами, забыв про заключенных, забыв про всё на свете.

— Вперёд, — прохрипела я, поднимая мужа. — Пока они тушат, ворота открыты.

Боковым зрением я заметила, что из сломанного проема лезет еще одна голова. Фредерик вернулся и помог троим. К моей радости, они моментально бросились в рассыпную, а не остались с нами. И мы побежали. Не к воротам, нет. Там могли заметить. Мы побежали в тень, за горящее здание, туда, где забор примыкал к старой стене города. Туда, где я видела кучу мусора, по которой можно было вскарабкаться наверх. Позади нас бушевал огонь, пожирая тюрьму, которая хотела нас поглотить. А впереди, за высокой стеной лежал ночной город. Холодный, опасный, но свободный.

Глава 15

Мы бежали, если едва переставляемые от усталости ноги можно было назвать бегом, стараясь держаться тени, сливаясь с чернотой подворотен и глухих стен. Мои лёгкие горели огнем, каждый вдох давался с хрипом, словно воздух был наполнен не кислородом, а битым стеклом. Ноги, отвыкшие от долгой ходьбы и ослабленные болезнью и голодом в каменном мешке, заплетались. Но страх был лучшим погонщиком, чем любой кнут надзирателя.

Фредерик не отставал. Он бежал рядом, тяжело дыша, прижимая к груди узел с украденной одеждой, словно это было величайшее сокровище мира. Иногда он хватал меня за руку, когда я спотыкалась о неровную брусчатку, и его пальцы были ледяными, но хватка — железной.

— Сюда, — выдохнул он, увлекая меня в узкий проход между двумя покосившимися складами. — Здесь выход к реке.

Мы нырнули в темноту, смердящую гнилой рыбой и мокрой древесиной. И тут я не удержалась. Я оглянулась. Позади нас, над крышами тюрьмы, в черное, беззвёздное небо рвался огненный столб. Это было страшно и прекрасно одновременно. Пламя, раздуваемое ветром, плясало дикий танец, пожирая деревянные перекрытия прачечной. Искры взлетали вверх тысячами светлячков, озаряя багровым светом низкие тяжёлые тучи. Где-то там кричали люди, слышался тревожный набат, возвещающий о пожаре на весь город.

— Господи Иисусе... — прошептал Фредерик, тоже остановившись на мгновение. Его лицо в отсветах бушующего пожара казалось высеченным из камня, но в глазах плескался ужас. — Фэйтилин, это... это ад разверзся.

— Это наш шанс, — жёстко ответила я, дёрнув его за рукав. — Пока они тушат, им не до беглецов. Бежим, Фредерик. Нельзя стоять.

Мы снова рванули вперёд. Мой слух, обостренный неделями в тишине камеры, ловил каждый шорох: лай собак вдалеке, стук ставней, скрип телеги где-то на соседней улице. Мы были тенями, призраками, скользящими по артериям засыпающего, но бдящего города.

Когда городские стены остались позади, а под ногами вместо булыжника захлюпала раскисшая весенняя грязь тракта, я поняла, что больше не могу сделать ни шагу. Сердце колотилось где-то в горле, перед глазами плыли цветные круги.

— Стой... — прохрипела я, опираясь о ствол старого узловатого вяза, росшего на обочине. — Давай... давай здесь.

Фредерик тут же оказался рядом, поддерживая меня под локоть.

— Тебе плохо? Фэйт, дыши, дыши глубже.

— Нет, — я мотнула головой, пытаюсь восстановить дыхание. — Нам нужно переодеться. Ты слишком приметен в этой тюремной робе, да и я выгляжу как пугало. И этот узел... ты не можешь тащить его вечно.

Мы сошли с дороги в небольшую рощицу. Здесь, под прикрытием голых ветвей, было немного тише. Ветер не так яростно хлестал по лицу, хотя холод пробирал до костей. Фредерик развязал узел, и на прелую прошлогоднюю листву вывалилось наше богатство: несколько сюртуков, мужские штаны, пара грубых шерстяных платьев, которые я успела стянуть с верёвок в сушильне. Руки дрожали, пуговицы не слушались.

Я срывала с себя пропитанные потом и тюремной вонью тряпки, с наслаждением натягивая сухое, пусть и чужое, бельё. Шерстяное платье оказалось велико в плечах, но это было даже к лучшему — можно было поддеть под него ещё одну рубаху.

Фредерик переодевался молча, но я чувствовала на себе его взгляд. Когда я закончила завязывать пояс и подняла голову, он смотрел на меня с нескрываемым изумлением. В его глазах читался вопрос, который он не решался задать все это время.

— Фэйт... — начал он тихо, застёгивая пуговицы тёмного суконного сюртука. — Как ты смогла выбраться? Как ты смогла открыть замки? Он осёкся, не договорив, видимо, что его жена на это неспособна. Но я услышала это в его интонации. Я замерла. Внутри все сжалось.

«Вера, осторожно.» - шепнула я себе мысленно. Ты сейчас ходишь по тонкому льду. Фэйтилин, чьё тело я занимала, была тихой, забитой жизнью женщиной, которая, вероятно, и гвоздя забить не могла. А я только что провернула операцию, достойную профессионального взломщика.

— Я наблюдала, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Всё то время, пока ты работал в мастерской. Пока ты возился с часами, с механизмами... Я сидела в углу и смотрела. Фредерик нахмурился.

— Но ты... ты никогда не подходила близко. Ты всегда говорила, что тебе скучно от моих железок, что они слишком сложные и непонятные. Ты боялась даже пыль с верстака смахнуть.

— Страх — хороший учитель, Фредерик, — я посмотрела ему прямо в глаза, вкладывая в этот взгляд всю жёсткость, которую обрела в тюрьме. — Когда тебя запирают в каменном мешке, и единственный путь к свободе лежит через замок, ты вспоминаешь даже то, чего, казалось, не знал. Я видела, как ты работаешь отмычками, когда чинил часы. Руки сами вспомнили движения.

Он смотрел на меня еще несколько секунд, пытаюсь найти подвох, но потом его плечи опустились. Видимо, объяснение показалось ему хоть и странным, но единственно возможным. В конце концов, что он знал о скрытых талантах своей жены?

— Прости, — выдохнул он. — Я просто... я не узнаю тебя. Ты стала такой... сильной.

— Пришлось, — коротко бросила я, поднимая с земли остатки одежды, чтобы свернуть потуже. Я ничего не собиралась оставлять. Холод был лютым, и прихваченная пара мужских пальто на нас сейчас были единственным спасением. — Идём. Скоро рассвет. Мы шли долго. Давай бросим в реку наши вещи из тюрьмы!

Небо на востоке начало сереть, превращаясь из чернильного в грязно-лиловое. Холодный весенний рассвет не приносил тепла, лишь делал мир вокруг более резким, неудобным и опасным. Голые поля тянулись до горизонта, редкие деревья стояли как скелеты. Мы были двумя маленькими точками в этом огромном враждебном пространстве.

Ноги гудели, каждый шаг отдавался тупой болью в пояснице. Но останавливаться было нельзя.

— Нас будут искать, — нарушил молчание Фредерик. Его голос был хриплым от усталости. — Как только пожар потушат и пересчитают заключенных... они поймут. Нам нельзя показываться людям днём.

— Я знаю, — кивнула я, кутаясь в пальто. — Куда мы идем? У тебя есть план? Фредерик помолчал, разглядывая горизонт.

— Перенфайд, — наконец произнес он. — Это два дня пути, если идти лесами. — Почему туда? Там живёт мой бывший ученик Томас. Он... хороший парень. Я учил его ремеслу пять лет назад, помог открыть своё дело. У него теперь своя часовая мастерская. Он мне обязан всем, что умеет. Томас не выдаст. Спрячет нас, поможет с деньгами, может быть, даже с документами.

Я задумалась. Перенфайд. Ученик. Звучало как план, но во мне проснулась осторожность Веры, женщины, которую предавали самые близкие люди.

— Ты уверен в нём? — спросила я. — Люди меняются, Фредерик. Особенно, когда речь идёт о деньгах или страхе перед законом. Укрывательство беглых должников — это виселица, — это я узнала, работая с Эвелин. Она хоть и мало говорила, но всегда по делу.

— Томас не такой, — покачал головой муж. В его голосе звучала та самая наивная уверенность, которая, вероятно, и привела его к долгам. — Он честен. И он помнит добро. У нас нет выбора, Фэйт. У нас нет денег, нет еды, нет крыши над головой. Нам нужна помощь.

— Хорошо, — согласилась я, решив, что обдумаю детали позже. Сейчас главное — выжить и не замерзнуть. — Но нам нужно где-то переждать день. Я больше не могу идти.

На окраине какой-то безымянной деревушки, которая еще спала мёртвым сном, мы заметили покосившееся строение. Это был старый дом, от которого остались лишь стены да печная труба, торчащая, как гнилой зуб. Но рядом, чуть в стороне, стоял сарай. Он выглядел немного лучше: крыша провалилась лишь наполовину, а стены, хоть и щелястые, всё же могли защитить от ветра.

Мы пробрались туда, стараясь не шуметь. Внутри пахло прелой соломой, мышами и сыростью. Но в дальнем углу, под уцелевшим куском крыши, было относительно сухо. Там лежала груда старого сена, перемешанного с трухой.

— Сгодится, — прошептала я, чувствуя, как ноги подкашиваются от облегчения. Мы повалились на эту кучу, даже не пытаясь разровнять ее.

Усталость накрыла мгновенно тяжёлым ватным одеялом. Я свернулась калачиком, пытаюсь сохранить остатки тепла. Фредерик лёг сзади, обнимая меня, прижимаясь всем телом к моей спине. Он укрыл нас обоих полами своего широкого пальто. Его тепло было живым, настоящим.

— Спи, родная, — прошептал он мне на ухо. Его губы коснулись моих волос, и от этого прикосновения по спине пробежали мурашки. — Мы выбрались. Господи, спасибо тебе... Мы выбрались.

Я лежала, закрыв глаза, но сон не шёл. Я слушала, как выравнивается дыхание мужа, как бьётся его сердце у меня между лопаток. И тут он зашептал снова. Тихо, едва слышно, думая, что я уже сплю и не слышу его слов.

— Прости меня, Фэйтилин. Прости за всё. Я думал, что потерял тебя там, в этом аду. Я бы умер, если бы ты не пришла. Я так люблю тебя, моя маленькая птичка. Больше жизни люблю. Я всё исправлю, клянусь, я всё для тебя сделаю...

Слёзы, горячие и непрощенные, покатались по моим щекам, впитываясь в грязную солому. Я закусила губу, чтобы не всхлипнуть. Я, Вера, успешный реставратор, современная женщина никогда не слышала таких слов. Мой «маэстро» из прошлой жизни, бывший муж умел красиво и бесконечно долго говорить о высоком искусстве, о моих обязанностях. Но он никогда не шептал мне в темноте, что любит больше жизни.

Он предал меня при первой же возможности, списал, как сломанный механизм. А этот человек... этот нелепый, наивный, неудачливый Фредерик, который нашёл свою жену на паперти, готов был умереть ради нее.

Это было так горько и так сладко одновременно. Я чувствовала себя воровкой, крадущей чужую любовь, чужое тепло. Но в то же время, где-то в глубине души я понимала: ту Фэйтилин уже не вернуть. А я здесь. Я спасла его. И сейчас, в этом гнилом сарае, в его объятиях я чувствовала себя более живой, чем за все сорок восемь лет моей прошлой правильной жизни.

— Спи! — мысленно приказала я себе, чувствуя, как рука Фредерика крепче прижимает меня к себе. — Завтра будет новый день. И, скорее всего, новые замки, которые придётся открывать.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.